

INSPIRIA

ДОМ

СТРАХА

ПОПАСТЬ СЮДА ЛЕГКО...

МАЙК ОМЕР

INSPIRIA

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Майк Омер

Дом страха

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Омер М.

Дом страха / М. Омер — «Эксмо», 2016 — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах)

ISBN 978-5-04-174122-8

ТРЕТИЙ РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ГЛЕНМОР-ПАРК». Темный подвал. Голые стены. На жесткой кровати лежит двенадцатилетняя девочка. Она уже не помнит, когда ее похитили, — потеряла счет времени. Кто? Зачем? Она не знает. Очень-очень страшно... Детектив Ханна Шор из Гленмор-Парка ведет дело о похищении дочери своей подруги. Чтобы вернуть девочку домой, она объединяет усилия с ФБР. Но даже матерые агенты Бюро в растерянности: похитители разместили требование выкупа и фото похищенной в социальной сети, и... **ОНО СТАНОВИТСЯ ВИРУСНЫМ.** Ситуация быстро выходит из-под контроля. Теперь на детективов смотрит весь мир. Слухи распространяются со скоростью лесного пожара, а онлайн-линчеватели подливают масла в бушующее пламя. В городок со всей страны едут доморощенные сыщики. **И НАЧИНАЕТСЯ ХАОС...** Расследование заходит в тупик — похитители рассчитали всё до мелочей и не оставили никаких следов. А время стремительно утекает. И тогда в Гленмор-Парк, отложив свое расследование в Техасе, приезжает профайлер ФБР Зои Бентли. Ее выводы становятся лучом света в крошечной тьме. Теперь детективы будут искать направленно. А главное, они поняли, что... **ЭТО ПОХИЩЕНИЕ СОВЕРШЕНО НЕ РАДИ ВЫКУПА.**

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174122-8

© Омер М., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Майк Омер Дом страха

Mike Omer
Web of Fear

© 2016 by Mike Omer. All Rights Reserved

Иллюстрации на переплете и форзаце *Филиппа Барбышева*

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2022

Глава 1

Простенькая карусель из стальных труб медленно проворачивалась на ледящем ветру, оглашая темную детскую площадку пронзительным скрипом. Грейси Дарем не сводила с нее глаз, поеживаясь от холода и страстно желая оказаться сейчас дома, в теплой постели. Но все равно продолжала упорно сидеть на одном конце стоящих рядом качелей, напротив Эбби. Перекладина качелей основательно проржавела, и из-под лохмотьев желтой краски кое-где проглядывал порыжевший металл. Грейси выдохнула, выпустив в студеной ночной воздух облачко пара.

– Думаю, что он не придет, Эбби, – нарушила она молчание.

– Придет, – твердо отозвалась та, прикусив губу.

– Он скинул тебе эсэмэску?

Эбби заглянула в свой телефон.

– Нет. Но он придет. В смысле... сейчас ведь всего лишь пять минут девятого.

День святого Патрика, на улицах не протолкнуться от пьяных взрослых, орущих и гогочущих. По пути сюда Грейси заметила, как какого-то мужика безудержно тошнит на углу. А через несколько минут им попалась слившаяся в объятии парочка, зигзагом бредущая навстречу, – парень запустил руку прямо в штаны девице. Грейси надеялась, что никогда не вырастет, – это ведь так отвратительно... Она испытала заметное облегчение, когда весь этот разгул остался позади и они наконец свернули в сторону детской площадки на Бейбл-лейн, где Эбби договорилась встретиться с Ноэлем.

Грейси думала, что лучше б им встретиться днем, а не вечером. Ни ей, ни Эбби не разрешалось выходить из дому так поздно, тем более в учебный день, и если родители Грейси прознают, что ее не было дома, то просто оторвут ей голову. Но она дала Эбби обещание, а сама Эбби всегда была готова ее поддержать. Вступалась за нее перед Тарой и ее подружками, когда те цеплялись к ней из-за того, как она одевается... В прошлом году, в пятом классе, взяла на себя вину, когда миссис Морено застукала их за списыванием, хотя виновата была Грейси... И всегда поддерживала ее музыкальные увлечения.

Эбби – просто классная подруга. И отправиться с ней на встречу с Ноэлем было последним, что она могла для нее сделать.

Грейси огляделась по сторонам, зябко обхватив себя за плечи. Днем они частенько бывали на этой детской площадке. Эбби уверяла, что и познакомились-то они именно здесь, катаясь на карусели, хотя Грейси была уверена, что произошло это в школе, на обеде. Но как бы там ни было, они торчали здесь часами, когда были помладше, – качались на качелях, съезжали на попе с горки, тут же забираясь обратно прямо по спуску, хотя полагалось подниматься по лесенке. И даже когда немного подросли, по-прежнему тусовались тут, болтая про школу, музыку, мальчиков, книги – да про всё на свете. Просто болтали и болтали. Иногда делили на двоих пакетик «Скитлз» или «Ризис»¹, или (когда мама Эбби категорически запретила той ежедневно есть конфеты) сочное хрустящее яблоко.

Однако вечером эта детская площадка виделась в совершенно другом свете. Поблизости находились только два уличных фонаря, и сооружения на площадке отбрасывали длинные жутковатые тени. А единственными звуками были лишь поскрипывания карусели под особо сильными порывами ветра. Днем этот скрип казался довольно забавным – ребятня раскручивала эту штуковину еще сильнее, отчего звук становился еще более пронзительным. Но теперь это

¹ «Ризис» (англ. Reese's Pieces) – ароматизированные конфеты на основе арахисовой пасты, выпускаемые компанией «Херши» для североамериканского рынка. (Здесь и далее прим. пер.)

заунывное поскрипывание казалось неприятным, даже зловещим, и у Грейси от него по спине бежали мурашки. Кое-где на земле лежали заплатки снега, бело-голубые в окружающей мгле.

Металлическое сиденье качелей было невероятно холодным, и Грейси казалось, что она вот-вот отморозит попу даже в теплых толстых штанах. Она поерзала, пытаясь по возможности подсунуть под себя полы куртки.

– Есть что? – наконец спросила она.

Эбби опять глянула на экран, на миг осветивший ее личико.

– Нет, – отозвалась она несколько упавшим голосом.

– Надо идти, Эбби. Он наверняка просто не смог.

– Угу. – Та кивнула, тоже слегка поежившись, причем разочарование в ее голосе казалось едва ли не осязаемым. – Пошли.

У Грейси возникло чувство, будто Эбби вот-вот расплачется. У той уже три дня только и разговоров было, что про сегодняшний вечер, – она была в полном восторге, что наконец-то встретится с Ноэлем. Ладно, утешить подругу можно будет и позже, но теперь пора двигать домой, пока они окончательно не превратились в сосульки. Спрыгнув с качелей, Грейси протянула руку Эбби, оказавшись при этом лицом к парку неподалеку. Темные деревья надежно скрывали за собой городские огни.

При виде высокой фигуры, шагающей в их сторону по тянущейся от парка тропке, Грейси даже вздрогнула. Мужчина двигался как-то странно, будто с опаской, и она сжалась; в голове промелькнула совершенно неожиданная мысль: «Он не хочет, чтобы мы его услышали». Ей понадобилась еще секунда, чтобы осознать, что она не может различить его лицо – не из-за темноты, а потому что на нем лыжная маска с дырками для глаз.

Но в этот момент он уже двигался куда быстрее.

– Эбби... Беги! – выкрикнула Грейси, хватая подругу за рукав.

Та нерешительно застыла, но Грейси, все еще крепко держа Эбби за руку, бегом потащила ее в сторону улицы. А когда бросила взгляд вбок, мужчина оказался уже куда ближе, так быстро перебирая ногами, что они смазались в одно размытое пятно. На бегу ее разум отметил сразу несколько мелких деталей. Какой-то маленький предмет у него в руке – что-то белое. Его глаза, поблескивающие в темноте и сузившиеся, когда он погнался за ними... Их длинные тени, взявшиеся за руки, на темной тропе... Более крупная тень, нависающая над ними, настигающая их...

Эбби прибавила ходу. Она всегда была лучшей спортсменкой, быстрее и сильнее, чем Грейси. И теперь это уже она тянула за собой Грейси, а не наоборот.

Ведущий на улицу проем в ограде был уже совсем близко. Оттуда оставался лишь короткий рывок ко все еще работающей бензоколонке через дорогу – и они в полной безопасности.

И тут откуда-то с улицы, взревев мотором, к ним устремился темный фургон. Скрипнув тормозами, ударился передними колесами о бордюр тротуара прямо перед ними, перекрыв выход. Распахнулась дверца, и из него выпрыгнула еще одна темная фигура. Тоже в лыжной маске.

Грейси в ужасе взвизгнула, когда та метнулась прямо к ним. За спиной она слышала быстрый топот ног их преследователя, смешивающийся со стуком ее собственного сердца. Эбби почти не замешкалась – вильнула вправо с тропы на замерзшую в камень землю парка. Но Грейси не отпустила ее руку, рывком увлекая подругу за собой. Обе спотыкались, тяжело дыша. Грейси попыталась что-то крикнуть, но не смогла – легкие горели огнем, страх клешнями сжал горло. Не оставалось ничего другого, кроме как бежать без оглядки.

Земля под ногами стала слякотной, скользкой, неровной. Грейси оступилась, запнулась, выпустила руку Эбби, и теперь они уже бежали по отдельности. Грейси, на глазах отставая, наконец обрела голос.

– Помогите! – выкрикнула она. – Кто-нибудь, помогите!

В голове у нее оформилась безумная мысль. Может, залезть на дерево, пока ее не поймали? Это у нее всегда хорошо получалось.

Недалеко от нее и впрямь росло большое дерево, и она резко вильнула вправо, устремляясь к нему. Ей было видно, что оба преследователя по-прежнему гонятся за Эбби, но один из них бросил на нее взгляд, глазами хищника проследив за ее маневром. Грейси лихорадочно обшаривала взглядом ветки – какая тут пониже, чтобы залезть, – но было слишком темно, чтобы хоть что-то разглядеть, не то чтобы забраться на дерево.

Отчаяние затопило ее с головой.

Земля под ногами была скользкой – грязь вперемешку со слякотным снегом. Грейси поскользнулась, запнулась, упала, пытаясь прикрыть голову, но не успела вовремя вскинуть руки и ударилась головой прямо в дерево. Ослепляющая боль поглотила ее целиком.

* * *

Чуть раньше тем же вечером детектив Ханна Шор успела свайпнуть вправо в «Тиндере»² и теперь по полной программе влипла в свидание с двадцатипятилетним безработным «старичком» в шляпе лепрекона³. И сама до конца не понимала, что ее больше раздражает: что этот Боб Миллз счел умилительным явиться на свидание в такой шляпе или что она сразу не развернулась и не ушла, едва ее увидев. Это было жульничество, самое натуральное. На фото в «Тиндере» не было у него никакой шляпы, и ни в его описании самого себя, ни в тегах ничего подобного не упоминалось. Боб просто написал, что парень он приветливый и веселый и что любит собак.

Хотя, если честно, помимо шляпы вид его вполне радовал глаз. Он был на шесть лет младше ее, с небрежной копной взлохмаченных светлых волос и широкими плечами. Когда парень отошел в туалет, она убедилась, что и попка у него тоже вполне ничего. Ханна была уже готова полностью простить ему эту выходку со шляпой. Тем более что он сразу же снял ее, едва они успели усестись за столик, в конце-то концов.

Новый знакомый улыбнулся ей, продемонстрировав превосходные зубы, и она улыбнулась в ответ, отбросив вбок свои спутанные каштановые волосы. Ханна надеялась, что выглядит лишь намеренно небрежно и по-свойски, а не так, словно у нее просто не было времени принять душ, накраситься или даже как следует взглянуть на себя в зеркало, – чем, собственно, все это и объяснялось.

А потом он начал говорить.

Увы, но Боб Миллз страдал тем, что Ханна называла «синдромом Совы». Названный в честь Совы из «Винни Пуха», этот синдром наполняет людей чувством, будто они знают обо всем на свете и что этим знанием надо в обязательном порядке поделиться с окружающими. Муторное заболевание, но редко когда смертельное, если не считать отдельных экстремальных случаев.

С этой минуты привлекательность Боба резко пошла на убыль.

Про День святого Патрика он знал почти все, чем и не преминул сразу же поделиться. Спросил ее, почему она не оделась по-праздничному. От самого очевидного ответа Ханна воздержалась, – всегда считая, что праздник этот самый что ни на есть дурацкий, – и взамен ответила, что она иудейка. Оказалось, что Боб – специалист и по иудаизму. Равно как и по Израилю. Последовал длинный монолог про ситуацию на Ближнем Востоке, в ходе которого ее разум

² «Правый свайп» в приложении для знакомств «Тиндер» (горизонтальное движение пальцем по экрану мобильного или планшета) означает примерно то же, что и «лайк» в соцсетях, – таким образом пользователь подтверждает, что не прочь пообщаться с обладателем «свайпнутого» аккаунта в реале.

³ Лепрекун – персонаж ирландского фольклора, волшебник, исполняющий желания, который сторожит горшочек с золотом. Обычно изображается в виде старичка-гнома в огромной широкополой шляпе.

разделился надвое – углубившись в воспоминания, Ханна сравнивала эту встречу с другими своими жуткими свиданиями. Это тянуло на семь с половиной баллов по шкале Дэвида Фергюсона – свидание с которым оказалось худшим в ее жизни, что включало в себе отвратительный секс, загубленную блузку и бурные рыдания... с его стороны.

Ханна в отчаянии огляделась по сторонам. Люди в баре явно наслаждались жизнью и самими собой, словно им было совершенно плевать на то, насколько ей не повезло с ухажером. Компашка симпатичных двадцатилетних девчонок радостно взвизгнула и разразилась аплодисментами, когда одна из них одним махом выдула целую кружку пива, пролив половину себе на грудь. За другим столиком у какой-то парочки хватало духу *держаться за руки*, словно чтобы специально позлить ее! Официантки, разносящие пиво, порхали вокруг с улыбками на лицах и зелеными париками на головах в честь ирландского праздника. День святого Патрика наверняка был весьма выгодным в плане чаевых. А она вот где: с мистером «Давай-ка я объясню, в чем *настоящая* проблема с импортом овощей» – и уже всерьез подумывает встать и уйти.

Боб Миллз, когда молчал в тряпку, выглядел как человек, с которым вполне можно было бы неплохо провести время. Пожалуй, стоило бы сразу пригласить его к себе домой, пока он еще не растерял те последние клочки сексуальной привлекательности, которые в нем еще оставались.

Но тут Боб принялся вещать про отдел полиции Гленмор-Парка – и свидание было официально обречено. Теперь это уже тянуло на восемь с половиной баллов по шкале Дэвида Фергюсона.

От полиции Гленмор-Парка, как объяснил Боб заинтересованно кивающей Ханне, нет абсолютно никакого толку. В Гленмор-Парке один из самых высоких уровней преступности в Массачусетсе, и Боб из первых рук знает, что дело тут лишь в полицейской коррупции и некомпетентности.

– Это ужасно, – поддакнула Ханна.

– Да при таком бюджете... вы вообще в курсе, что копы Гленмор-Парка – самые высокооплачиваемые во всем штате?

– Возмутительно! – с деланным пылом отозвалась Ханна. – Обычно думаешь, что они пытаются обеспечить нашу безопасность, по меньшей мере.

– Куда там! В прошлом месяце меня оштрафовали за скорость. Клянусь, я ехал чуть меньше ограничения! Я запросто мог бы оспорить это в суде, но сами знаете, каково это. Не стоит руки марать, верно?

– Совершенно верно. Кому хочется выступать против коррумпированных копов в суде? – Ханна печально покачала головой, удрученная столь неутешительным состоянием правосудия. – В смысле... у них же все судьи, наверное, куплены.

– Наверное? Я бы сказал наверняка!

Ханна мысленно прокляла себя за отсутствие плана аварийной эвакуации. У любой женщины, отправляющейся на свидание, есть подруга, которая звонит ей в условленный час, – такой звонок может потенциально превратиться в экстренный, если к этому призовет ситуация. У любой, но только не у Ханны Шор. Нет уж... Ханна Шор идет на любое свидание, как будто оно настоящее, – словно собирается выйти за парня из «Тиндера» замуж.

Ну что ж, замуж за Боба она точно не пойдет, и даже секса у них не будет, несмотря на его широкие плечи и тугую попку. Просто придется сослаться на головную боль. Хотя он наверняка произнесет спич и на тему головной боли. Боб наверняка знает, как правильно лечить и этот недуг.

– Послушайте, – произнесла Ханна, так потирая виски, словно за ними бушевал настоящий мигреновый ураган. – Я не...

И тут зазвонил ее телефон. Чудо Дня святого Патрика! Она вытащила его из сумочки. Номер неопознанный, но все равно классно. В данный момент Ханна была готова пообщаться с кем угодно, лишь бы улизнуть с этого свидания.

– Алло? – ответила она.

– Ханна? – Знакомый голос, к которому не удалось с ходу пристроить имя и фамилию.

– Да, это я. А кто это?

– Ханна, это Наамит.

Точно, осознала она. Наамит, мамина подруга. И где же маменька с этой женщиной подружилась? В синагоге? Или на каких-то занятиях по пилатесу⁴? Подробности ускользали, но Наамит и мать Ханны вот уже пару лет были добрыми приятельницами.

– Здравствуйте, Наамит, как вы? – произнесла она в трубку.

– Не особо, – отозвалась женщина, и тут Ханна осознала, что ее собеседница всхлипывает. – Ханна, ты не смогла бы приехать? Нам тут очень пригодилась бы твоя помощь.

– Ну конечно, – ответила она, нахмурившись. – А в чем проблема?

– Эбигейл, – произнесла Наамит. – Она пропала.

– Какой адрес?

– Лаветта-уэй, двадцать три.

– Уже еду, – пообещала Ханна, после чего отключилась. – Мне надо идти.

– А в чем дело? – спросил Боб.

– Одной подруге срочно нужна моя помощь. Это полицейский вопрос.

В голове у Боба несколько секунд прокручивались шестеренки.

– Так вы – коп?

– Угу. Детектив. – Ханна бросила на столик две купюры.

– О! – вымолвил несостоявшийся ухажер.

Ханна встала.

– Все было просто замечательно, – произнесла она таким тоном, что становилось ясно: замечательно, как чирей на задку.

– Может, как-нибудь еще разок состыкуемся, – пролепетал Боб.

– Обязательно, – заверила его Ханна.

Да ни в жисть! Даже если этот Боб с Дэвидом Фергюсоном останутся последними мужчинами на земле.

* * *

Когда Наамит открыла дверь, Ханна даже вздрогнула. Та была одета в ярчайшую малиновую юбку и черные леггинсы; усыпанная крошечными блестками блузка сияла и переливалась в свете фонаря у входа. Губы густо-красные, и кое-где на лице оставались блеклые следы макияжа, но глаза и нос распухли и покраснели. Наамит явно недавно плакала.

– Ханна, – произнесла она, шмыгая носом. – Спасибо, что пришла.

– А как иначе? – отозвалась та. – Что случилось?

– Мы где-то час назад вернулись домой, а Эбигейл нет! Поначалу подумали, что она пошла к подруге. Но телефон у нее выключен, и никто из ее подружек не знает, где она.

– И подружки не знают? – переспросила Ханна, проходя вслед за Наамит в дом и далее в гостиную. Это оказалась совсем небольшая комнатка, с простецкой потертой мебелью. На поблекшем белом ковре стояли два дивана, между ними – круглый деревянный кофейный столик.

⁴ Пилатес – система физических упражнений, разработанная одним из основателей методики фитнеса Й. Пилатесом и ориентированная в основном на женщин.

– Ну да... Ее лучшая подруга, Грейси, не отвечает на звонки, ее родители тоже. Рон поехал к ним домой, но там темно, и никто не открыл.

– Понятно. Может, они взяли Эбигейл с ее подругой с собой в кино или еще куда-нибудь?

– Ничего не сказав нам? – возразила Наамит. – Я не могу в это поверить.

У Ханны сразу возникло чувство, что именно произошло. Тем не менее она не намеревалась высказывать свое предположение вслух – речь шла о пропавшем ребенке.

– А сколько лет сейчас Эбигейл? – осведомилась она.

– Двенадцать, – дрожащим голосом отозвалась Наамит.

– Хорошо, где вы сами были, когда она ушла из дома?

– На вечеринке, – ответила Наамит. – Нельзя было оставлять ее одну! Я хотела позвонить своей маме, попросить ее приехать, но Эбигейл все твердила, что она уже не маленькая, что нянька ей не нужна...

– Так-так... На вечеринке? Не по случаю Дня святого Патрика? – Ханна приподняла брови.

– Нет, не совсем, – сказала Наамит. – Это был корпоратив, у нас в офисе. И все знали, что мы иудеи, так что праздновали и День святого Патрика, и Пурим⁵.

– Ах да. – Пурим и вправду был уже на носу. Ну что ж, по крайней мере, это объясняло наряд Наамит. – А когда начался этот корпоратив?

– Начали в шесть, но мы немного опоздали. И вышли-то из дому только около семи.

– Понятно. А вы сказали Эбигейл, когда вернетесь?

– Сказали, что нас не будет где-то до полуночи, но вечеринка закончилась чуть раньше. Фирма у нас совсем небольшая. Все мои коллеги там были, но даже с супругами едва дюжина народу набралась. И мы решили не засиживаться.

Ханна вздохнула. В общем, дочка решила, что раньше полуночи родителей ждать не стоит, настояла на том, чтобы никто с ней не оставался, а родители вернулись гораздо раньше, чем обещали. Ее лучшая подруга тоже пропала, вместе со своими родителями. Ханну подмывало ответить, что Эбигейл с минуты на минуту войдет в дверь и выяснится, что она просто ходила на какой-нибудь концерт, на который мама не разрешила ей пойти, или что-нибудь в этом духе.

– А где Рон? – спросила Ханна.

– Ездит по району, ищет ее, – ответила Наамит.

– Послушайте, – начала было Ханна, но вдруг на секунду примолкла. – Вы сказали, что телефон у нее выключен?

– Верно.

Если и была какая-то подробность, которая вызвала у Ханны смутное беспокойство, то это она и была.

– А Эбигейл иногда выключает телефон? – спросила она.

– Нет. Всегда посылает или читает эсэмэски, или разговаривает с кем-нибудь, или еще что. Эта штука постоянно вибрирует.

– И вы сказали, что у Грейси и ее родителей телефоны включены – просто не отвечают, я правильно поняла?

– Да. Но я не думаю, что она с ними. И Эбигейл не отправилась бы куда-нибудь на ночь глядя, не предупредив меня.

Еще как отправилась бы, но Ханна не видела причин это оспаривать.

– Хорошо, можете дать мне свежее фото дочери?

⁵ Пурим – еврейский праздник, установленный, согласно библейской Книге Есфири, в память о спасении евреев, проживавших на территории Древней Персии, от истребления Аманом-амаликитянином, любимцем царя Артаксеркса. Дата празднования определяется по еврейскому лунному календарю, поэтому по григорианскому календарю она каждый год разная.

– Ну конечно. – И Наамит поспешила из комнаты.

Присев на краешек одного из диванов, Ханна припомнила саму себя в подростковом возрасте. Бунтовщицей тогда ее вряд ли можно было назвать, но даже она порой отличалась не лучшим поведением. Тырила мамины сигареты и втихоря курила их со своей подругой Тиной. Первый раз напилась в пятнадцать – вернулась домой в таком виде, что сразу же рухнула в кресло, едва войдя в дверь. Украдкой выскальзывала из дому посреди ночи, чтобы встретиться с Гэри Джонсом – первым мальчиком, с которым целовалась. Ханна даже улыбнулась, припомнив этот поцелуй, неловкий и конфузливый, – его рот открыт, ее губы крепко сжаты, оба не совсем хорошо понимают, что делают...

И где же в данный момент Эбигейл?

Вернувшись, Наамит сунула Ханне маленькую фотографию в рамке.

– Это с ее последнего дня рождения, – объяснила она.

Ханна посмотрела на робко улыбающуюся девчонку. Эбигейл была в том неуклюжем возрасте, когда различные части тела растут, не договариваясь друг с другом. Ступни у нее были большие, руки длинные, но личико сохраняло детские черты, с щенячьим жирком на щечках. Золотисто-каштановые волосы опускались чуть ли не до самого копчика. По бокам от нее стояли Наамит и Рон, гордо ухмыляясь в объектив.

Ханна набрала центральную диспетчерскую со своего телефона. Ответ на звонок поступил практически мгновенно.

– Отдел полиции Гленмор-Парка, у телефона Кэндис.

– Кэндис? Это Ханна.

– О, привет, Ханна! – жизнерадостно отозвалась Кэндис. Всем сотрудникам отдела нравилось, когда она оказывалась за пультом – сообразительная, быстрая, славная.

– Послушай, у меня тут пропавший ребенок. Эбигейл Лисман, двенадцать лет, вышла из дома где-то между семью и девятью вечера, до сих пор не вернулась.

– Ладно, давай описание и адрес.

– Лаветта-уэй, двадцать три. Рост около пяти футов, европейская внешность, светло-каштановые волосы. С ней может быть еще одна девочка, примерно того же возраста, зовут Грейси... – Она бросила взгляд на Наамит.

– Дарем, – подсказала та.

– Дарем.

– Ладно, нет проблем, Ханна, сейчас передам патрульным.

– Спасибо. – Детектив отключилась. Оставалось надеяться на то, что кто-то из патрульных отыщет Эбигейл и привезет ее домой, предварительно напугав до усрачки. Чтобы nepовадно было потом смываться вот так из дому. С детишками такое регулярно происходит. Ханна была озабочена, но особо не переживала.

– Поезжу немного по округе, – сказала она. – Может, и сама ее найду.

– Ладно, спасибо тебе огромное...

Но тут слова Наамит перебил телефонный звонок. Она бросилась к своей сумочке, порылась в ней и вытащила мобильник.

– Алло? Да? – Пару секунд послушала, глаза ее распахивались все шире. – Нет. Здесь ее тоже нет. Мы уже звонили в полицию, их сотрудница уже у нас. Мы никак не могли до вас дозвониться, Рон ездил к вам, и... – Она ненадолго примолкла, кивая, потом встретила взглядом с Ханной. – Нет, конечно. Я ей передам. Да, пожалуйста.

Наамит отложила телефон.

– Это Карен – мама Грейси, – объяснила она дрожащим голосом. – Они ходили на День святого Патрика. Грейси тоже пропала и до сих пор не отвечает на звонки. Ее родители уже едут сюда.

– Сейчас позвоню напарнику, – сказала Ханна, кивнув.

Вот теперь она действительно распереживалась.

Глава 2

Бернард Глэдвин всем сердцем любил своих детей. Больше ничего на свете его так не заботило. Тем не менее они отнюдь не стремились упростить ему жизнь. И их было слишком уж много.

Пока их было всего двое, он неплохо с ними управлялся. С двумя детишками много чего можно сделать. К примеру, можно рассказывать одному сказку, в то время как его жена Кармен играет со вторым. Один родитель против одного ребенка – честная игра.

Вообще-то это представлялось настолько посильной задачей, что они с Кармен решили: третий ребенок – это просто отличная мысль.

Дело в том, что Бернард не понимал, что трое – это уже слишком, только пока они не завели этого третьего, – а в тот момент уже не вернешь младенца в магазин, точно? Теперь, с тремя, он мог рассказывать одному сказку, в то время как его жена Кармен играла со вторым, а третья тем временем ставила дом на уши: втыкала вилки в электрические розетки, пыталась поджечь на себе одежду и выбрасывала игрушки брата в унитаз. Все это напоминало работу циркового жонглера, которую Бернард так пока и не освоил. И подозревал, что никогда и не освоит.

Теперь они с Кармен пытались разобраться с другой непростой ситуацией – сексом. Все-таки неплохо заниматься этим делом время от времени. Но у детей было другое мнение по этому вопросу, особенно у Рори, пребывающего в младенческом возрасте. Похоже, у младшенького резались зубки, хотя никаких наглядных свидетельств тому пока не наблюдалось. Рори не знал, как сказать: «У меня режутся зубки, пожалуйста, помогите!» – или еще хоть что-нибудь, раз уж на то пошло. Просто просыпался каждый час или два и истерически орал, напрочь отказываясь уgomониться. Кармен говорила, что дело просто в зубах. Но временами Бернард подумывал: уж не является ли этот младенец воплощением зла? Иногда он подмечал в глазках Рори злобный огонек – такой, который до сих пор видел лишь в глазах у психопатов.

Секс практически недоступен, когда знаешь, что в любой момент тебя прервет орущее дитя. Наверное, это был невольный рефлекс, призванный сократить уровень конкуренции. «Никакого секса» означало «больше никаких мелких братьев и сестер». Бернарду хотелось сообщить Рори, что тому не о чем беспокоиться. Больше братьев и сестер у него не будет. Никогда. Не будет, пока от Бернарда в этом доме еще хоть что-то зависит.

Хотя нынешний вечер выглядел многообещающе. Рори проспал без просыпу целых *три часа подряд*, а Джина с Томом вроде как не намеревались что-нибудь отчебучить. Перед Бернардом забрезжил лучик надежды.

Они с Кармен сидели на диване перед телевизором. Он даже не вникал, что там показывают. Его жена привалилась к нему, забросив свои длинные ноги ему на колени. На ней были черные шорты для йоги в обтяжку, и между ним и экраном маячили изгибы ее бедер и попки, полностью затмевая смысл того, что творилось в телевизоре. Бернард бросил взгляд на ее лицо – она завороченно уставилась в экран, широко распахнув свои карие глаза и слегка раздвинув губы. На ней была одна из его собственных футболок; ее широкий ворот открывал ее золотисто-коричневую кожу, и изгиб одной из грудей так и манил к себе. Да, определенно было самое время. Но сначала требовалось привести ее в нужное настроение.

– Эй! – шепнул он. – Как насчет секса?

Кармен покосилась на него, ухмыльнувшись.

– А что, неплохая мысль.

Да, он настоящий мастер совращения!

Правда, не ему одному пришлось просидеть без секса почти две недели.

Он склонился над ней, одна рука его скользнула ей под футболку, другая стала ласкать щеку. Бернард нежно поцеловал ее, его пальцы нашли что-то, что можно пощекотать и стиснуть...

И тут зазвонил его телефон. Он бросил на него взгляд.

– Даже не думай! – прошипела Кармен.

Бернард на секунду замер, потом ухмыльнулся.

– Ну естественно, – отозвался он, проводя пальцем по ложбинке между ее плечом и шеей. – Я, по-твоему, с ума сошел?

Кто бы это ни был, вполне может подождать. У них сейчас дела поважнее.

Они позволили телефону трезвонить дальше. Бернард лизнул горло Кармен, она возбужденно задышала, ее спина выгнулась, их тела стали тереться друг о друга...

И тут послышался звук, которого так страшился Бернард, – Рори. Плачет. Телефон разбудил его, и ребенок вспомнил, что обязан и дальше рушить жизнь своего отца.

– Вот черт, – буркнула Кармен.

– Угу.

– Продолжение следует? – бросила она, выскальзывая из-под него.

– А то, – отозвался он совершенно упавшим голосом.

Кармен на цыпочках поспешила в комнату Рори.

Бернард с ненавистью глянул на телефон. Эта штуковина до сих пор звонила. Он бросил взгляд на экран. «Ханна». Подобрал его, ответил:

– Хей.

– Привет, Бернард. Я тебя ни от чего не оторвала?

– А если даже и так? Ты что, повесишь трубку и оставишь меня в покое?

Пауза.

– Нет, – наконец ответила она. – Мне очень жаль.

– Не думаю... Так в чем дело, Ханна?

– У нас две пропавшие девочки. Двенадцати лет.

Он бросил взгляд на наручные часы. Начало двенадцатого.

– Когда они пропали?

– Где-то между семью и девятью. Есть причины для беспокойства, Бернард. Не думаю, что они просто засиделись в гостях.

– Угу, – отозвался он, уже направляясь в прихожую одеваться. – По-любому уже поздно. Они наверняка уже вернулись бы домой.

– Верно... И я знаю мать.

Вот блин!

– Где ты сейчас?

– У нее дома. У матери, в смысле.

– Ладно, – сказал Бернард, бросая виноватый взгляд на свою жену, которая вопросительно смотрела на него, держа на руках Рори. – Уже еду.

* * *

Ханна сидела в гостиной, Рон и Наамит устроились напротив нее. Правой рукой Рон обнимал жену, левой нервно теребя подол рубашки. Одет он был в белые брюки и белую же рубашку, с черными кружочками, прилепленными к одежде, – маскарадный костюм для Пурима. Видать, Рон изображал то ли пятнистую собаку, то ли корову – трудно было сказать. Ханна даже сомневалась, что он сейчас сможет это припомнить.

Наамит перестала плакать, что оказалось большим облегчением, но ее глаза были широко раскрыты и пусты, и Ханна отчетливо видела в них страх. Она просто не могла представить

себе весь тот ужас, который сейчас испытывала эта женщина. Ханна и сама была очень озабочена, хорошо представляя себе возможные варианты развития событий, начавшихся хорошо и закончившихся не столь весело: бойфренд постарше, или две девчонки пошли прогуляться по охваченным праздником улицам и потерялись, – и мысленно молилась, чтобы это оказался как раз тот случай, хотя была хорошо знакома и с совсем другими исходами. Педофилы и извращенцы, хватающие детей и затаскивающие их в темные переулки... Пьяные водители, которые сбивают случайных прохожих и тут же уезжают прочь, оставив свои жертвы истекают кровью на асфальте... Дети, которые исчезают и никогда больше не объявляются, оставаясь в памяти лишь в виде лица в полицейской ориентировке: «Внимание! Пропал ребенок!»

И сегодня был День святого Патрика. Пиво и напитки покрепче лились рекой, а алкоголь всегда увеличивает уровень опасности и риска.

– Думаю, вам обоим стоит переодеться, – деликатно посоветовала Ханна, жалея, что сейчас с ней нет Бернарда. Он хорошо умел обращаться с людьми, буквально излучая ауру спокойствия и утешения.

Наамит и ее муж переглянулись – похоже, только сейчас осознав, что до сих пор облачены в маскарадные костюмы.

– Я... конечно, – произнес Рон – высокий худощавый мужчина со светло-каштановыми волосами, в круглых очках. Лицо у него было слегка вытянутое, словно у персонажа на экране телевизора с неправильно выставленным соотношением сторон. Встав, он опять застыл на месте, обращаясь к супруге:

– Не хочешь первая?.. Или лучше я?..

Наамит наверняка нуждалась в том, чтобы муж взял бразды правления на себя, но было понятно, что это ему не по нутру. Он неуклюже пытался вызнать, что предпочитает она, вместо того чтобы быть самым сильным из супругов, который знает, что нужно делать дальше. Ханна понимала, что намерения у него самые добрые, но Рон пытался позволить своей жене быть сильной и самой всем командовать, тогда как было совершенно ясно, что сейчас ей больше всего хотелось опустить руки и полностью потерять контроль над собой.

– Давай иди, – отозвалась она пустым голосом. – Я после тебя.

Он вошел в их спальню, прикрыв за собой дверь.

– Может, мне следует самой поискать... – произнесла Наамит, уставившись в стену. – Я хочу сказать... Если она где-то потерялась и вдруг увидит мою машину...

– Вам лучше ждать здесь, – твердо сказала Ханна. – Она может в любой момент прийти домой. Или позвонить на домашний.

– Она никогда так не делает, – отсутствующе отозвалась Наамит. – Всегда звонит на мобильный.

– А можете вы мне показать... – начала было Ханна, но тут ее перебил стук в дверь.

Они одновременно встали. Наамит быстро подошла к двери и распахнула ее, словно ожидая увидеть стоящую на пороге Эбигейл. Но, разумеется, та не стала бы стучать.

– Тони. Карен. Заходите, пожалуйста. – Наамит отступила назад, взмахом руки приглашая их в дом. Все трое – с родителями Грейс был еще маленький мальчишка – нерешительно вошли. Тони был крупным мужчиной, лысым, с татуировкой в виде рыбы на шее. Его мягкое и встревоженное лицо не особо вязалось с этим образом крутого парня. Карен была стройной блондинкой с полными губами. Глаза у нее были припухшие и мокрые, и она постоянно шмыгала носом и вытирала их тыльной стороной руки.

– Это детектив Ханна Шор, – представила ее Наамит. – Она здесь, чтобы помочь нам.

– Вы что-нибудь знаете? – спросил Тони. Голос у него был низкий и жесткий, а в речи его проглядывал некий акцент, который Ханна так и не сумела окончательно распознать. – От кого-нибудь из них ничего не слышно?

– Пока нет, – отозвалась Ханна. – Но патрульным дано задание прочесать улицы.

– Зачем? – спросил он.

– На случай если они заблудились, – объяснила Ханна. – Или...

– Если они заблудились, то почему просто не позвонили? Почему Грейси не отвечает на звонки?

– Они могли просто потерять свои телефоны или оставить их где-нибудь, – сказала Ханна, после чего добавила: – Или их кто-нибудь украл. Мистер и миссис Дарем, у вас есть какие-то мысли, куда могла пойти Грейси?

– Нет, – ответила Карен ломким голосом. – Она ничего не сказала. Вообще-то она должна была присматривать за Донни.

Маленький мальчик поднял лицо, когда его мать произнесла эти слова, и Ханна внимательно посмотрела на него – бледного и тихого. Глаза у него были узкие – почти азиатские, похожие на отцовские, – и направлены они были только на Ханну.

– Донни, – произнесла она, присев перед ним на корточки. – Грейси не говорила тебе, куда собирается?

Он нерешительно кивнул.

– Что? Почему же ты нам ничего не сказал? – Голос у Тони стал стальным. – Куда она пошла? А ну-ка говори немедленно!

Донни съехался за спиной у матери.

– Тони! – рявкнула Карен. – Ты его пугаешь!

Ханна взяла в руку ладошку Донни. Та была холодная, как лед.

– Так куда, – сказала Грейси, – она собиралась, Донни?

– Она сказала, что собирается встретиться с каким-то другом Эбби, – произнес мальчишка тоненьким голоском. – Она обещала, что это ненадолго. И велела мне звонить, если что-то будет не так. – Он едва сдерживал слезы. – И я ей звонил. Все звонил и звонил. Мне было страшно! Я хотел, чтобы она вернулась домой! Но она не отвечала на телефон! Она обещала, что будет отвечать на телефон!

Ханна встала, чувствуя дурноту. Если Грейси сказала, что будет отвечать на звонки, то тот факт, что она не выполнила обещание, был куда более тревожным. Детектив призадумалась на секунду, после чего произнесла:

– Простите, но мне нужно позвонить.

Ханна вышла через переднюю дверь. Снаружи было морозно, и она обхватила себя руками, чтобы сохранить тепло. Набрала номер капитана Бейли, очень надеясь, что разговор будет недолгим.

Ему понадобилась всего пара секунд, чтобы ответить.

– Привет, Ханна.

– Капитан, у меня тут случай с пропавшими детьми. Исчезли две двенадцатилетние девочки...

– Никто не ставил меня в известность о пропавших детях. Как вы получили вызов?

– Вот я сейчас и ставлю вас в известность, сэр. Мать одной из девочек – подруга моей матери. Их зовут Эбигейл Лисман и Грейси Дарем. Одна не отвечает на звонки, у другой звонок сразу уходит на автоответчик. Есть некоторые указания на то, что все серьезно.

– Какие указания?

– Эбигейл Лисман выключила мобильник, а ее мать говорит, что она никогда этого не делает. А Грейси не отвечает на свой телефон, хотя ее брат говорит, что она велела ему звонить, если что-то будет не так.

– Пока что не очень большие причины для беспокойства, – заметил Бейли. – Что-нибудь еще?

Ханна нерешительно замешкалась. Да, может, пока и рано бить тревогу, но у нее было нехорошее чувство.

– В основном моя интуиция, – наконец призналась она.
– Ладно, – произнес капитан, голос которого зазвучал серьезней. – Я позвоню Манкузо – ее обязательно следует известить. ФБР может отследить телефоны быстрее нас.

– Хотите, я сама ей позвоню, капитан? Чтобы не играть в испорченный телефон?

Короткая пауза.

– Да, так будет лучше. Повиси на трубочке, сейчас дам тебе ее номер.

– У меня уже есть, – сказала Ханна.

– Отлично. Держите меня в курсе, детектив. – Голос у него был натянутый. Пропажа ребенка любого заставит напрячься.

Ханна поискала номер Манкузо. На это у нее ушло несколько секунд – замерзшие пальцы плохо слушались, пока она водила ими по экрану. К тому моменту как Манкузо ответила, Ханна уже откровенно поеживалась.

– Аллю? – Голос агента звучал хрипловато, словно она только что проснулась.

– Агент Манкузо? Это детектив Ханна Шор из отдела полиции Гленмор-Парка. Мы с вами встречались, когда расследовали...

– Я вас помню. Что стряслось, детектив Шор?

Ханна повторила все то же самое, что только что изложила капитану.

– Понятно, – произнесла агент Манкузо. К облегчению Ханны, в ее голосе не звучало скептических ноток.

– Думаю, что нам понадобится помощь ФБР, – добавила Ханна. – Это явно не тот случай, когда две девочки просто улизнули в гости.

– Хорошо, – сказала Манкузо. – Начнем с главного. Вы говорите, что одна из них не отвечает на звонки. Телефон точно включен?

– Насколько мне известно.

– Я попрошу телефонную компанию дать нам приблизительное местоположение.

Ханна заморгала.

– Вот так запросто?

– Да. Будем надеяться, что мобильный все еще при ней и что местоположение будет более-менее точным. Какой номер у девочки, у которой включен телефон?

– Минутку. – Ханна зашла в дом. – Какой номер у Грейси? – спросила она у Карен. Та дала ей номер, и Ханна продиктовала его агенту Манкузо.

– Хорошо, – отозвалась та. – Через пару минут перезвоню.

В трубке зазвучали короткие гудки. Ханна повернулась к родителям. Они сидели на диванах в гостиной. На столике стояли шесть дымящихся кружек. Наамит успела переодеться, отметила Ханна; теперь на ней были черные брюки и светло-голубая блузка.

– С кем это вы разговаривали? – спросил Тони.

– Со своим начальником и с ФБР, – ответила Ханна через секунду. Она не была уверена, успокоит или же, наоборот, встревожит родителей новость о привлечении к делу федералов.

Судя по всему, ответ был «и то, и другое». У Тони и Рона вроде немного отлегло от сердца, в то время как Наамит и Карен явно напряглись.

– Они помогают нам определить местонахождение телефона Грейси, – добавила Ханна, пытаясь подпустить в голос обнадеживающие нотки.

Тони кивнул.

– Хорошо.

– Я тут чаю сделал, – подал голос Рон, показывая на кружки.

Ханна отсутствующе кивнула. Чай ее никогда особо не вдохновлял. Ей сейчас требовался кофе. От чая просто захочется в туалет.

Опять послышался стук в дверь. На сей раз Ханна поспела к двери раньше Наамит. Вошел Бернард, окинув взглядом обе пары и маленького мальчика, которые все уставились на его высокую фигуру.

– Это детектив Бернард Глэдвин, – представила его Ханна. – Мой напарник.

Прежде чем все успели представиться в ответ, опять зазвонил телефон Ханны. Это была агент Манкузо.

– Итак, у меня есть местоположение.

– Где она?

– Ну, не знаю, как она, но телефон находится на углу Бейбл-лейн и Кимболл-уэй – в пределах шестисот футов туда-сюда.

* * *

Было уже четверть первого ночи – у патрульных Танессы Лонни и Сержио Бертини только началась рабочая смена. И они ожидали, что забот у них будет полон рот – День святого Патрика был всегда печально знаменит тем, что целое множество народу по всему городу под влиянием выпитого теряли контроль над собой. Конечно, это был праздничный вечер, полный радости и веселья, но ближе к ночи кому-то приходилось разбираться с пьяными, которые устраивали драки или решали, что они уже достаточно протрезвели, чтобы сесть за руль. Танессу это далеко не вдохновляло.

– Послушай: все, что я хочу сказать, – это что тебе просто надо разок попробовать. Если не понравится, я не буду больше к тебе насчет этого приставать, – втолковывал ей Сержио, пока она медленно вела машину по Клейтон-роуд.

– Сержио, да не собираюсь я заниматься серфингом в марте! – отозвалась Танесса, у которой предложение напарника просто не укладывалось в голове. Вот уже третью смену подряд тот пытался приобщить ее к своему хобби, которое можно было назвать лишь заигрыванием с гипотермией. – Посмотри по сторонам! На прошлой неделе снег шел! Если хочешь помереть от пневмонии, флаг тебе в руки, но почему ты пытаешься и меня за собой утащить?

– А «мокрые» гидрокостюмы⁶ на что? Было бы о чем говорить!

– Так они же *мокрые*! Я ухитрюсь отморозить жопу всякий раз, вылезая из машины, а на мне куртка, два свитера и шарф – и все они абсолютно сухие. Ты хочешь, чтобы я напялила на себя мокрые шмотки и прыгнула в ледяную воду? Ты просто псих.

– Да не почувствуешь ты холода!

– Может, *ты* и не почувствуешь. Твой мозг давно отмер – ты вообще ничего не чувствуешь. Послушай, забудь, я не собираюсь...

Эту увлекательную беседу прервало потрескивание рации.

– Четыре пятьдесят один, центральной.

– На связи, – отозвалась Танесса в микрофон на плече.

– Четыре пятьдесят один, вы нужны на углу Бейбл-лейн и Кимболл-уэй; нужно определить местонахождение пропавшего ребенка в этом районе.

– Принято, центральная, – сказала Танесса. – Это не насчет тех девчонок, за которыми нам велено присматривать?

– Четыре пятьдесят один, подтверждаю.

– И кто позволяет своим детям шататься по улицам посередь ночи? – пробурчал Сержио, когда Танесса повернула руль, разворачивая машину.

⁶ Имеется в виду негерметичный гидрокостюм, при использовании которого вода в небольших количествах попадает к телу и нагревается от него.

– Не думаю, что кто-то им это позволил, – отозвалась она. – В смысле... я и сама, бывало, смывалась из дома, когда была в их возрасте. Мои родители так ничего и не просекли.

– Это вопиющая нерадивость, вот что я тебе скажу! Люди должны присматривать за своими детьми.

– А ты сам и за попугаихой своей едва ли способен присматривать! – ответила Танесса, бросая взгляд на компашку молодых людей, с хохотом бредущую по улице – наверняка в очередной бар.

– Габриэла – очень сложное создание, понятно? У нее просто бывают капризы.

– Угу, у детей тоже бывают капризы.

Доехав до указанного адреса, они припарковали патрульный автомобиль возле черного «Доджа Чарджер» и двух белых «Шевроле». По соседству стояла группа людей, среди которых выделялась внушительная фигура Бернарда – высокого здоровяка было трудно не заметить. Он возвышался над большинством остальных на несколько дюймов. Танесса даже вздрогнула, осознав, что рядом с Бернардом стоит капитан Бейли. Тот не сводил взгляда с женщины, стоящей перед собравшимися, – агента ФБР Манкузо, с которой Танесса до сих пор пересекалась только раз, вскоре после того как ее едва не убил Джован Стоукс⁷.

Манкузо была женщиной эффектной, с властными манерами и острым взглядом – со светло-коричневой кожей, едва тронутой возрастом, черными волосами, подернутыми серебристой сединой, и пикантной родинкой возле губы, делающей ее лицо незабываемым. Она что-то говорила остальным мужчинам и женщинам, засунув руки в карманы куртки, когда Танесса и Сержио присоединились к ним. Агент замолчала на секунду, кивнула Танессе, после чего продолжила:

– Грейси Дарем и Эбигейл Лисман числятся пропавшими уже больше трех часов, так что есть все основания для беспокойства. Телефон Грейси проследили до этого района, с погрешностью в пределах шестисот футов. К счастью, он по-прежнему включен, и мы постоянно на него звоним. Если окажемся где-то близко, то услышим мелодию звонка.

Манкузо огляделась по сторонам.

– Здесь поблизости несколько многоквартирных и офисных зданий, так что нужно устроить подомовой обход. Этим займутся капитан Бейли, детектив Шор и детектив Глэдвин, при содействии агентов Фуллера и Мэннинга. Начните с бензоколонки, узнайте, не видел ли кто что-нибудь. А все остальные, включая патрульного офицера Лонни и ее напарника, которые только что присоединились к нам, проверят улицы, переулки и детскую площадку. – Она показала на скопление простеньких аттракционов в двухстах футах от них. – Нам неизвестно, до сих пор ли телефон Грейси при ней и вместе ли девочки, так что не будем делать поспешных выводов... О'кей, приступим. Уже поздно, и я хочу вернуть девочек родителям не позднее чем через час.

Группа рассыпалась. Бейли, Ханна и Бернард посмотрели в сторону Танессы и кивнули с мрачными лицами. Похоже, они были сильно встревожены. А если уж и столь опытные детективы чувствуют себя не в своей тарелке, то явно не без причины. Танесса страстно надеялась, что эта ее смена не закончится обнаружением мертвого тела двенадцатилетней девочки.

– Рада вас видеть, офицер⁸ Лонни, – произнесла агент Манкузо, зябко поджав плечи от холода. – Вроде... хорошо выглядите.

Последний раз они виделись через два дня после того как Танессу похитили и едва не убили. У нее тогда были проблемы со сном, и всю следующую неделю она почти ничего не ела – неудивительно, что агент Манкузо решила, что теперь она выглядит значительно лучше.

⁷ Эти события описаны в романе М. Омера «Как ты умрешь».

⁸ Офицер – низшее звание в городской полиции США. Как правило, рядовые сотрудники полиции носят форму и занимаются патрулированием и охраной правопорядка на улицах. Рядовые детективы выше по званию и обычно носят гражданскую одежду.

– Спасибо, – отозвалась Танесса. – Вы тоже.

– Ладно, – продолжила Манкузо. – Давайте найдем этих девочек. Я хочу, чтобы вы двое осмотрели детскую площадку. Мы займемся улицей.

Танесса кивнула и вместе с Сержио направилась в указанном направлении.

– Ты что, знаешь эту тетку? – спросил тот.

– Разок встречались, – бросила в ответ Танесса.

– На вид крутая, – заметил он.

– Думаю, что не только на вид.

Ночной холод становился все более неприятным. Он пролезал за воротники двух свитеров Танессы, сквозь подошвы ботинок и даже сквозь многочисленные слои одежды. Морозный воздух, попадая в легкие, расплзался по всему телу. Защищало нос и уши.

Она терпеть не могла мерзнуть. Вот что самое мерзкое в Гленмор-Парке, – холодные зимы. Интересно, думала Танесса, неужели эти девчонки до сих пор на улице? Если так, то они могли замерзнуть до смерти.

Дойдя до детской площадки, окруженной низенькой металлической оградой, они продвигались вдоль нее, пока не дошли до небольшого проема, служившего входом. Грязную тропинку внутри усыпали десятки отпечатков ног. По обеим сторонам ее лежали небольшие холмики еще не успевшего растаять снега, тускло подсвеченные бледным светом уличного фонаря. Площадка оказалась довольно большой. Здесь был участок с каруселью, горкой и несколькими качелями, а глубже маячили баскетбольные щиты и темнел сплошной ряд деревьев.

– Ну и темнотища, – пробормотал Сержио, снимая с ремня фонарик и включая его. Танесса последовала его примеру. Но лучи ручных фонарей не особо справлялись с темнотой, когда они вошли за ограду. Танесса напряженно прислушивалась, ожидая услышать звонок или вибрацию мобильного, но пока слышала только их с Сержио шаги, хрустящие по гравию тропки.

Она и сама как-то потерялась в детстве. Когда ей было восемь, мать взяла Танессу и ее братьев на вечернюю прогулку. Танесса умчалась вперед, глядя на собственную тень, которая то удлинялась, то укорачивалась в свете уличных фонарей. И не заметила, как мать остановилась, чтобы поговорить с кем-то – очевидно, с кем-то из фанатов. Ее мать тогда была актрисой, и ее чуть ли не каждый день останавливали поклонники с просьбой дать автограф или сфотографироваться с ней. На улице было полно народу, когда Танесса вдруг осознала, что матери и братьев позади больше нет. Застыла на месте, высматривая их, страх наполнил сердце. Она была уже на грани слез, когда к ней подошел какой-то мужчина и спросил, всё ли в порядке. Она до сих пор помнила его запах – потный, кислый, неприятный. И зуб с черным пятном. Маленькая Танесса завизжала, отступила назад и разразилась слезами.

Митчелл и Ричард за какие-то секунды оказались рядом. Они были совсем неподалеку. Все они заорали на ошеломленного мужчину, который всего лишь хотел помочь. Танесса проплакала после этого, казалось, несколько часов. Это была самая страшная вещь, когда-либо случавшаяся с ней в детстве.

Может, Грейси и Эбигейл сейчас тоже одни где-то на улице, плачут? Если так, почему они не отвечают на звонки?

– Они наверняка в какой-то квартире в этом районе, – предположил Сержио. – Может, зашли к кому-нибудь в гости...

– Угу, – отозвалась Танесса, но у нее было очень нехорошее чувство, что это не тот случай. Слишком уж поздно, девочки слишком уж маленькие, и тот факт, что они не отвечают на...

– Слышишь? – вдруг спросила она, замерев на месте.

– Что слышишь?

– Заткнись.

– Ты спросила меня...

– Да заткнись ты, блин, на секундочку!

Оба молча постояли, и Танесса услышала это опять. Едва различимую мелодию, далеко справа.

– Вон там, – сказала она, уже шагая по промерзшей земле с вдруг быстро забившимся сердцем. Луч ее фонарика хаотически метался во все стороны, выискивая источник звука, а потом замер на маленькой неподвижной кучке, темнеющей неподалеку. Танесса бросилась бегом, едва не поскользнувшись на ледяной тропе, и наконец подбежала к лежащему на земле телу. Присев на корточки, осторожно перевернула его, открывая лицо.

Это была девочка-подросток с высохшей кровью на лбу. Обмякшая, с бледной, почти синей кожей.

– Вызывай сюда «Скорую», быстро! – закричала Танесса на Сержио. Приложила руку к груди девочки, опустила ухо к ее рту. Телефон пиликал где-то поблизости, отчего Танессе было трудно сосредоточиться на дыхании ребенка, но наконец она услышала и почувствовала его – едва уловимое поверхностное дыхание.

Девочка была все еще жива.

Сняв перчатку, Танесса прикоснулась к ее щеке. Щека была просто ледяная. Она стащила с себя куртку, не обращая внимания на минусовую температуру, и укутала ею девочку, все время продолжая негромко с ней разговаривать.

– Все хорошо, зайчик. Мы тебя нашли. Держись. Открой глазки. Посмотри на меня. Держись, сейчас придет помощь.

Глава 3

– Сожалею, – произнес врач, – но я и вправду не могу вас впустить. Ребенок сильно истощен, и мы не хотим его беспокоить.

Макушка у него была лысая, с пучками седых волос по бокам, и Ханне хотелось ухватиться за них и трясти его до тех пор, пока он не сменит тон.

– Я не буду повторять этого еще раз, доктор, – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Но где-то там на улице еще одна девочка, и мы ее до сих пор не нашли. Ваша пациентка может знать, где ее подруга. Нам нужно опросить ее прямо сейчас.

– Ну... насколько я понимаю, ее нашли в парке, – произнес врач. – Вы уже обыскали парк?

Ханна была готова взорваться.

– Я знаю, как выполнять свою работу, спасибо. А теперь – дорогу!

Она решительно шагнула вперед, вынуждая его посторониться, и дернула двойную дверь. Та была заперта. За ней, сквозь маленькое окошко в двери, ей был виден коридор, по сторонам которого протянулись палаты, залитые резким люминесцентным светом. Медленно подошла медсестра, толкая больничную тележку. Ханна принялась колотить в окошко, издавая глухой стук.

– Откройте эту чертову дверь!

– Как я уже сказал...

Вышедшая из лифта агент Манкузо решительно направилась прямо к ним, уже показывая значок.

– Агент Манкузо, ФБР, – сказала она. – Нам нужно поговорить с Грейси Дарем прямо сейчас.

Врач заморгал.

– Как я уже сказал вашей коллеге, Грейси Дарем в данный момент...

– Это федеральное расследование. Жизнь другой девочки в опасности.

Доктор помедлил.

– Ну хорошо, – наконец произнес он. – Но только пять минут. Палата триста девять.

Подойдя к панели сбоку от двери, ввел четырехзначный код. Дверь со щелчком открылась.

– Столько, сколько понадобится, доктор, – поправила его агент Манкузо, распахивая дверь и проходя внутрь. Ханна поспешила вслед за ней.

– Удобная штука, этот ваш жетон, – заметила она.

– Да, у него и вправду есть свои преимущества.

Подойдя к палате Грейси Дарем, они открыли дверь. Бежевые стены, унылая обстановка... Грейси, белая как бумага, лежала на больничной койке, наполовину укрытая тонким одеялом; к руке ее сбегала трубка капельницы. На ней была зеленая больничная пижама. На тумбочке возле кровати стоял одинокий искусственный цветок – единственное украшение унылого интерьера. Рядом с девочкой на светло-коричневом стуле сидела ее мать, стиснув зубы и держа дочь за руку.

– Миссис Дарем, нам нужно задать вашей дочери несколько вопросов, – обратилась к ней агент Манкузо.

Женщина кивнула, шмыгнув носом.

– Конечно, – отозвалась она.

По ее глазам Ханна поняла, что Грейси уже что-то успела ей рассказать. Что-то, что оказалось для матери сильным ударом.

– Грейси, меня зовут Кристин, а это Ханна, – сказала агент. – Не возражаешь, если мы зададим тебе кое-какие вопросы?

Девочка закивала головой.

– Ты знаешь, где сейчас Эбигейл?

Грейси опять закивала.

– Какие-то люди ее захватили, – шепотом произнесла она. – Люди в черных масках.

Ханна почувствовала себя так, будто по затылку у нее сползает пчела. Эбигейл похитили!

– Пожалуйста, расскажи нам, как это случилось, – попросила агент Манкузо.

– Мы были на детской площадке, – прошептала девочка тонким, еле слышным голоском. – И уже собирались идти домой, когда появился какой-то человек. Человек... в черной маске. Мы побежали, а он за нами погнался. Потом к нему присоединился еще один. Тоже в маске. Они схватили Эбби. А я убежала.

Она умолкла.

– А что произошло дальше? – Агент подалась вперед; ее поза указывала на то, что вот-вот последуют еще несколько вопросов. Ханна позволила ей вести беседу.

– Я не помню.

– Их точно было двое?

– Да.

– Можешь их описать?

Грейси помотала головой.

– А что на них было надето, помимо масок?

– Вроде что-то темное... Правда не помню.

– Ты видела, куда они потащили Эбби?

– Вроде там был фургон... Но я не видела, как они ее схватили, я убежала... Не знаю.

– Какого рода маски?

– Лыжные.

– Можешь описать тот фургон?

Грейси опять помотала головой.

– Он был белый? Синий? Красный?

– Пожалуйста, она больше ничего не знает! – взмолилась Карен Дарем. – Она всего лишь маленькая девочка.

Как и Эбигейл. И ту кто-то похитил. Ханна повернулась к Карен.

– Простите, миссис Дарем, но даже самая мельчайшая деталь может помочь нам найти Эбигейл. Мы вынуждены задавать эти вопросы, причем именно сейчас.

– Но...

– Что вы там с ней делали, Грейси? – спросила Ханна, не обращая внимания на почти обезумевшую Карен. – Что вы делали в парке?

Широко раскрыв глаза, с трясущейся нижней губой, Грейси посмотрела на свою мать.

– Тебе не грозят никакие неприятности, Грейси, – мягко произнесла Ханна. – Но нам нужен твой правдивый ответ. Это поможет найти твою подругу.

– Мы собирались встретиться с Ноэлем. – Грейси упорно смотрела в одеяло, голос ее звучал совсем робко. – Бойфрендом Эбби.

– А какая фамилия у этого Ноэля? – спросила агент Манкузо.

– Я не знаю.

– Где его можно найти?

– Не знаю... Понятия не имею, где он живет.

– И давно они с Эбби вместе?

– Две... три недели, наверное, – ответила Грейси. Ее вроде уже охватывала дремота. – Трудно сказать. В смысле... Это не то чтобы они по-настоящему встречались или еще чего.

– А как они познакомились? – спросила Ханна.
– Они общались в интернете, – ответила Грейси, опуская голову на белую подушку. – Довольно давно уже.
– Ты знаешь, как он выглядит?
– Да. Эбби показывала мне фотку, которую он прислал.
– Фотку? А до этого она с ним не встречалась?
Девочка ничего не ответила. Ее глаза были закрыты, и она глубоко дышала.
– Грейси, – произнесла Ханна, трясая ее за руку. – Грейси!
Та лишь жалобно заскулила.
– Оставьте ее в покое, – проворчала Карен, безропотная покорность которой напрочь испарилась.
– Грейси! – громко сказала Ханна. – Это очень важно! Она когда-нибудь встречалась с этим Ноэлем в реальной жизни?
– Нет, – выдохнула Грейси со все еще закрытыми глазами. – Сегодня они собирались встретиться первый раз.
– А он появился?
Девочка никак не отреагировала, но Ханна уже знала ответ. И поняла, что агент Манкузо тоже его знает.

* * *

Эбигейл поеживалась от холода. Она невольно обмочилась, когда грубые руки заталкивали ее в фургон; моча пропитала ее леггинсы. А теперь мокрая ткань леденяще холодила кожу, и ноги чесались там, где леггинсы прилипли к ней. Эбби попробовала потереть ноги друг о друга, но стало только хуже, и она в отчаянии заскулила. Ей очень хотелось, чтобы можно было снять эти чертовы шмотки хотя бы на секундочку, но она не могла. Руки были связаны у нее за спиной.

Эбигейл ничего не видела – ее окружала полнейшая тьма. Когда они бросили ее сюда, она успела заметить, что это какая-то серая комната со стулом и маленьким матрасом, на который они ее свалили. А потом закрыли дверь, и она провалилась во тьму. Иногда ей казалось, что видны очертания стула, но она не была уверена, что это не обман зрения. В какой-то момент показалось, будто вокруг нее столпились десятки темных фигур, придвигающихся все ближе и ближе. Эбби хрипло взвизгнула в тряпку, которую затолкали ей в рот, а потом осознала, что все это ей просто почудилось. Никого с ней не было. Она была одна.

Эбигейл хотела увидеть свою маму. Хотела увидеть Грейси. Хотела, чтобы хоть кто-то оказался сейчас рядом с ней, чтобы сказал ей, что все будет хорошо. Дома она всегда спала с маленьким ночником. Эбби была уже не маленькая – не боялась всяких чудищ, – но свет придавал уверенности, успокаивал, когда она вдруг просыпалась посреди ночи. Ей отчаянно требовался маленький свет, хотя бы крошечный огонек.

Эбигейл кричала и умоляла сквозь тряпку, не зная, слышит ли ее кто-нибудь. Казалось, будто она вот-вот задохнется – слизь и слезы забили нос, тряпка перекрыла другой источник воздуха. Потом она сморкнулась посильней, и одна ноздря открылась. Эбигейл ощутила склизкое прикосновение собственных соплей к лицу и потерялась щекой о матрас, часть стерев, а часть размазав.

Ее родители найдут ее или найдет полиция. Во всех книжках, которые она читала, во всех телесериалах, которые смотрела, копы всегда находили преступников или дети ухитрялись сбежать.

Вот только разве...

Несколько месяцев назад, когда родителей не было дома, Эбигейл посмотрела один фильм по телику. Это было поздно вечером, и вообще-то ей не полагалось его смотреть. Он был из категории «восемнадцать плюс», а ей тогда только стукнуло двенадцать. Но фильм казался таким увлекательным, и она решила, что достаточно взрослая, чтобы решать самой. Ребята в классе вечно хвастались просмотром фильмов ужасов или даже клипов для взрослых в интернете, и ей самой захотелось так же похвастаться.

В нем некий офицер полиции расследовал похищение семилетнего мальчика и где-то на середине фильма обнаружил его тело. В этот момент она поспешно выключила телевизор – не сумела досмотреть до конца. И потом три ночи не могла спать без того, чтобы несколько раз не проснуться с криком. Эбигейл не знала, чем там кончилось дело, но даже если преступников поймали... мальчик все равно был мертв.

Она расплакалась опять, уткнувшись лицом в матрас, пытаясь выдавить «Мамочка!» сквозь тряпку – слово вышло приглушенным до неузнаваемости, но она повторяла его вновь и вновь, словно мама могла сейчас услышать ее и прийти, как это бывало дома, когда Эбигейл звала ее. Словно мама сейчас обнимет ее, и взъерошит ей волосы, и скажет, что все будет хорошо.

И вдруг свет. Дверь была открыта, и кто-то стоял на пороге.

На нем была та же черная лыжная маска, что и в тот раз. Эбигейл заскулила, пытаясь забиться в угол кровати, когда он приблизился. Он убьет ее прямо сейчас, как убили того мальчика в фильме? У него было что-то в руках – какой-то черный комок. Эбигейл попыталась выдавить «пожалуйста!», но тряпка во рту по-прежнему проглатывала слова, и она закашлялась и затрясла головой.

– Я собираюсь вытащить кляп у тебя изо рта, – сказал мужчина. – И если ты хотя бы пикнешь, я сразу затолкаю его обратно, поняла?

Эбигейл закивала, широко раскрыв глаза.

Плавным спокойным движением он вынул из кармана ножницы. Как только их лезвия приблизились к лицу, Эбигейл быстро задышала через нос, не сводя глаз с сияющего металла.

Единственным щелчком он срезал тряпку, и ее рот опять стал свободен. Она открыла и закрыла его несколько раз, подвывая от облегчения.

– Ты дрожишь, – сказал мужчина. – Я принес тебе одеяло.

Он приподнял ком в руке. Это оно и было – свернутое одеяло.

– А не могли бы вы меня отпустить, ну пожалуйста! – умоляюще попросила Эбигейл.

– Если будешь хорошо себя вести, – произнес мужчина, – то в момент окажешься дома. Хорошо?

– Хорошо.

– Ну вот и отлично. Тебе не нужно в туалет или... – Тут он заметил мокрое пятно на ее леггинсах. – О-о...

Эбигейл закрыла глаза. Он теперь разозлится? Подумает, что она плохо себя вела? Она ведь так испугалась! Это вышло случайно! Но она не знала, что он может подумать.

– Потом принесу тебе чистые штаны, – сказал мужчина. – Давай-ка... Вставай.

Он помог ей встать на ноги. На матрасе осталось темное пятно там, где с ним соприкасались пропитанные мочой леггинсы. Мужчина перевернул матрас, так что промокшая сторона теперь оказалась внизу, на раме. Потом он развернул ее, и она услышала, как вновь щелкнули ножницы, и почувствовала, что ее руки свободны.

– Ну вот, – сказал мужчина. – Так будешь хорошо себя вести?

Она кивнула.

– Ну ладно. – Вытащив свой телефон, он посмотрел на нее. – Стой вот так, не двигайся.

Мужчина отступил на несколько шагов, и на какой-то безумный момент Эбигейл подумала, не рвануть ли к выходу. Дверь у него за спиной была не заперта, он был слишком далеко, чтобы перехватить ее, и... и...

Она заставила себя стоять неподвижно. Этот мужчина в секунду ее перехватит. Он высокий, ноги длинные, тело мускулистое. А она всего лишь двенадцатилетняя девчонка. Если попытается сбежать, он опять ее свяжет. Опять заткнет рот кляпом. Оставит ее в темноте.

Сверкнула крошечная вспышка телефона, когда мужчина сделал снимок, потом другой. Перед глазами у Эбигейл заплескали яркие точки, и она несколько раз моргнула. В комнате словно потемнело. Он развернулся и двинулся к выходу из комнаты.

– А нельзя оставить свет, пожалуйста? – попросила она.

Мужчина на миг задумался.

– Пожалуйста... – прошептала Эбби, по щеке у нее сползла слезинка. Если эта комната вновь погрузится во тьму, она просто умрет.

Он коротко кивнул и вышел, закрыв за собой дверь. Щелкнул замок.

Ставив с себя мокрые леггинсы, Эбигейл улеглась на матрас, завернувшись в одеяло. Она все еще жива. У нее есть свет. И она не связана.

Эбби опять расплакалась – и так и не могла остановиться, пока, полностью истощив силы, не уснула.

* * *

В груди у Наамит словно колотил отбойный молоток. Пока больничный лифт медленно поднимался наверх, останавливаясь на каждом этаже, ей хотелось завизжать, вытолкать всех наружу, чтобы метнуться на площадку и отыскать лестницу.

Никто ей ничего не говорит.

Ханна не отвечала на звонки. Коп, который появился в доме Наамит, сказал, что Грейси уже нашли – только Грейси, но не Эбигейл, – и теперь везут в больницу. Пока что вроде та заявляет, будто не знает, что произошло.

Кто-то знал, где сейчас Эбигейл и что с ней случилось. Но никто не говорил об этом ни Рону, ни Наамит. Рон остался дома, ожидая возвращения Эбигейл, а Наамит поехала в больницу.

Наконец двери лифта открылись, и она тараном вырвалась из него, лихорадочно выискивая глазами кого-нибудь, кто мог бы знать, где палата Грейси. Грейси расскажет ей, что произошло. Грейси...

Тут ее взгляд упал на Ханну, выходящую из отделения первой помощи. Ее сопровождала агент ФБР. Наамит бросилась к ним.

– Ханна, – взмолилась она, почти задыхаясь. – Что случилось? Где Эбигейл? С ней все хорошо?

Детектив посмотрела на нее – зубы стиснуты, лицо бледное. Она не улыбнулась, не положила руку Наамит на плечо, не сделала ни одну из тех вещей, которые люди делают, когда пытаются успокоить кого-нибудь, дать понять, что волноваться не о чем.

– Пожалуйста! – Голос Наамит застрял у нее в горле. – Где Эбигейл?

Ханна взяла ее за руку, подвела к скамейке, стоящей возле стены. Обе сели.

– Эбигейл похитили, – негромко произнесла Ханна.

Всего два слова. Вот чего хватило, чтобы разбить весь мир Наамит на куски, чтобы поток страха и отчаяния вновь обжег все ее тело. Похитили. Ее девочка. В руках у... у...

– Кто... что?... – запинаясь, выдавила она, пытаясь сформулировать вопрос, который принес бы ей хоть какое-то утешение, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь.

– Похоже, что это было профессионально исполненное похищение, спланированное заранее, – произнесла Ханна все так же негромко, глядя Наамит прямо в глаза. – А значит, это не был какой-то... – тут она вроде замешкалась, но сразу же уверенно продолжила: – ...какой-то случайный педофил, рыскающий по улицам и хватающий первых попавшихся детей.

Разум быстро прихлопнул образы, возникшие в голове при этой последней фразе, тут же напомнив, что они моментально вернутся обратно, как только она останется одна.

– Тогда кто?

– Мы пока не знаем, – сказала Ханна. – Но делаем все возможное. В ФБР создана группа, чтобы помочь нам в расследовании. Мы собираемся разослать ориентировку о пропаже ребенка.

Для спутанного разума Наамит, пытающегося осознать происходящее, слова Ханны окончательно потеряли всякий смысл. Ориентировка о пропаже ребенка... Сколько раз она видела на экране телевизора или в интернете детское личико и представляла себе, насколько напуганы сейчас родители? Потерять свое собственное дитя, захваченное каким-то злобным чужаком, намерения которого неизвестны... Не зная, увидят ли они когда-нибудь вновь улыбку своего ребенка... Теперь она и сама была этим родителем.

И, что еще хуже, этим ребенком была Эбигейл.

Эбигейл, которая иногда объявлялась у нее в спальне, потому что ей приснился страшный сон, и спрашивала, нельзя ли ей поспать в их постели. Которая как-то раз, когда Наамит на десять минут опоздала забрать ее из детского садика, рыдала так, что ее даже стошнило, – потому что была в полном ужасе от того, что мамочки все нет и нет. Ее похитил кто-то, кто держит ее в неволе, под замком, не понимающую, что происходит. Наверняка она прямо сейчас плачет, отчаянно желая вернуться домой. Наамит чуть ли не наяву слышала всхлипывания дочери, и ее сердце разрывалось на миллион кусков.

– ...в ФБР хорошо умеют раскрывать такие дела, – говорила в этот момент Ханна. – Вы в надежных руках. Я лично знаю агента Манкузо, и...

– Нет! – Наамит схватила Ханну за руку, все крепче сжимая пальцы. – Пожалуйста. Ханна. Ты должна остаться и помочь. Они не знают Эбигейл. Они не знают меня. Пожалуйста, останься в этом... – «Деле»? Эбигейл теперь «дело»? – В этом деле. Ты просто невероятный детектив – твоя мама всегда так говорит. Ты сможешь вернуть мне мою девочку.

Ханна уставилась на Наамит. Туповато кивнула.

– Конечно, – произнесла она. – Мы все будем искать. Мы сделаем все возможное, чтобы вернуть Эбигейл, хорошо?

Вернуть Эбигейл. Это было то, что Наамит хотела услышать. То, что ей было нужно услышать. Что кто-то решительно настроен вернуть ей ее девочку.

– Спасибо, – шепнула она.

Встала, пошатываясь, и уставилась на дверь в отделение первой помощи. Грейси была там, с Карен. Карен вернули ее дочь. Наамит любила Грейси – та была чудесным ребенком, – но волна гнева и горечи захлестнула ее. Почему не могли похитить Грейси? Почему это не Карен стоит сейчас здесь, умоляя о помощи?

Наамит всегда лучше заботилась об Эбигейл, всегда старалась знать, где в тот или иной момент времени находится дочь, постоянно напоминала ей не доверять незнакомым людям. Карен и Тони как-то сказали Наамит, что детям нужно научиться самим о себе заботиться. Они разрешали Грейси одной ездить в общественном транспорте, позволяли ей иногда самой возвращаться домой из школы... Почему это не могла быть Грейси?

Наамит больше не могла сдерживать слезы. Она хотела, чтобы ее дитя вернулось.

Глава 4

Наамит открыла глаза солнечному свету, льющемуся из окна ее спальни. Рон лежал рядом, все еще спал. Они провалились в сон, обняв друг друга, – Наамит всхлипывала, а Рон гладил ее по волосам. Муж никогда на самом деле не отличался разговорчивостью, и он уже знал, что никакими словами не умерить страх и боль, которые они оба испытывали.

Наамит посмотрела на его лицо, такое бледное и усталое, на стиснутые даже во сне челюсти. Осторожно выпуталась из его объятий и встала. Сердце ее упало, когда она проверила телефон и не обнаружила ни одного нового сообщения, ни одного пропущенного звонка. Она надеялась увидеть сообщение от Ханны – что появилась какая-то ниточка, что ФБР раскрыло это дело, что они нашли похитителя. Даже сообщение, что они работают круглые сутки, тоже было бы утешением.

Было около семи утра. Проспала Наамит не больше полутора часов, но спать и дальше уже просто не могла. Поплелась в кухню, сварила себе чашку кофе. Прикинула, что бы съесть, но знала, что любая еда застрянет в горле.

Дали ли Эбигейл что-нибудь поесть? Ее дочь всегда была настолько привередлива в еде, что порой доводила Наамит буквально до белого каления. У Эбигейл «нормальной» едой считались только гамбургеры и хрустящие картофельные шарики. Будет ли похититель замораживаться с тем, чтобы принести ей то, что она попросит? Станет ли вообще ее кормить? Наамит почувствовала, как опять возвращаются слезы, но больше не могла видеть собственных слез. Изгнала эти мысли из головы, заставив себя думать лишь о технической стороне приготовления кофе. Налить в кружку темную жидкость. Ложка без горки сахара. Чутьочку молока со сливками, совсем немного.

Она сидела в гостиной, потягивая из кружки, когда зазвонил ее телефон. Наамит кинулась к нему, глянула на экран, уже ощущая всеокрушающее разочарование. Это была всего лишь Вэлери, мать одной из подружек Эбигейл. Наамит звонила ей вчера вечером, чтобы узнать, не у них ли дома Эбигейл. Та наверняка просто лишь хочет узнать, как дела.

– Алло? – ответила Наамит. Слабым, дрожащим голосом.

– Наамит, я так сочувствую! Просто не могу представить, что тебе пришлось вынести! Когда я увидела фото Эбигейл, то просто не могла поверить! Бедная девочка...

Наамит изо всех сил пыталась понять, о чем это толкует Вэлери. Откуда она узнала? Какое еще фото? И тут осознала, в чем дело.

Розыскная ориентировка! Естественно. Фото Эбигейл теперь повсюду.

Она тупо слушала, как Вэлери продолжает вещать в телефон – уверяет, насколько она сочувствует, как не может поверить, что такое произошло, спрашивает, не нужна ли Наамит и Рону какая-то помощь...

– Спасибо, что позвонили, – наконец произнесла Наамит. – Я вам очень благодарна.

– Пожалуйста, дайте нам знать, если будут какие-то подвижки.

– Конечно, – отозвалась Наамит и нажала на «отбой». Интересно, подумалось ей, неужели Вэлери и вправду считает, что она будет держать ее в курсе всех подвижек?.. Покачала головой. Вэлери просто пыталась найти какие-то правильные слова.

И что бы она сама сказала родителям, у которых похитили ребенка? На этот счет не существует каких-либо четких правил. И такого вроде как не должно происходить с людьми, которых ты хорошо знаешь.

Наамит уставилась на экран телефона, на котором застыли цифры: 7:13. Через несколько секунд они сменились на 7:14. Она по-прежнему не сводила с них глаз. После того, что показалось вечностью, – уже 7:15. Вот что теперь ей предстоит – просто таращиться на сменяющие друг друга цифры времени, пока ее дочь не вернется домой.

Телефон у нее в руке опять зазвонил. Номер она не узнала, но ответила сразу же. Сердце быстро забилося.

– А... алло?

– Миссис Лисман? Это агент Манкузо. Я вас не разбудила?

– Нет... нет. Я не спала.

– Очень хорошо. Я хотела сообщить вам, что ориентировка только что разослана по всем средствам массовой информации.

– Да, я уже знаю. Подруга позвонила.

Секунда тишины.

– Подруга? – переспросила Манкузо.

– Да, мама одной из... Во всяком случае, она сказала, что видела сообщение.

– Правда? Удивительно. Я полагала, что его только сейчас выпустили... Выходит, они сработали быстрее, чем я думала.

– Да. – Наамит нерешительно помедлила. – А нет каких-то других новостей?

– Пока нет.

– Ладно. Спасибо, что держите в курсе.

– Не за что... А она точно сказала, что видела объявление?

– Да, точно.

– Ладно. Спасибо, миссис Лисман. Будем оставаться на связи.

Наамит отложила телефон. Подумала, не позвонить ли Вэлери и не спросить, где та видела ориентировку, но была не силах в очередной раз выслушивать истерический монолог этой женщины.

Телефон зазвонил опять. Дебра. Еще одна знакомая. Наамит позволила телефону звонить, пока тот не умолк.

И почти сразу же опять звонок. Лайла на сей раз – ее дочь Тамми училась в одном классе с Эбигейл. Наамит хотелось швырнуть телефон в стенку, но таких звонков и приходилось ждать. Все они хотели помочь.

– Аллю?

– Наамит, я так тебе сочувствую! Тамми была просто потрясена, когда увидела фото Эбигейл. Просто не могу поверить, что с ней сделали!

– Да, – пустым голосом отозвалась Наамит. – Это ужасно.

– Ты уже вызвала копов?

– Я... конечно. Вот потому-то и появилась ориентировка.

– О, выпустили ориентировку? Супер. Я слышала, что такие вещи отлично работают. Вот увидишь – они найдут Эбигейл, не успеешь и...

– Погоди-ка, – перебила Лайлу Наамит, крепко сжав телефон в руке. – Разве ты только что не сказала, что Тамми видела ориентировку?

– Нет, – ответила Лайла. – Она видела фото.

– Фото?... – Наамит изо всех сил старалась уловить смысл. – Фото в ориентировке?

– Нет! Фото на страничке Эбигейл в «Инстаграме»⁹.

Наамит машинально нажала на «отбой» и дрожащими руками открыла «Инстаграм» на своем телефоне. Она была подписана не так уж на многих людей – вообще-то говоря, открывала приложение от силы раз-другой в неделю.

Ей не пришлось долго водить пальцем по экрану – это оказался самый верхний пост в ее ленте.

⁹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Фото лица Эбигейл в какой-то темной комнате. Глаза у дочери припухшие, губы кричатся, будто она вот-вот расплачется, все лицо в бледных и розовых пятнах. Фото было размещено через аккаунт Эбигейл.

Подпись внизу гласила: «Если хотите когда-либо увидеть Эбигейл живой и здоровой, лучше начинайте готовить выкуп. 3 миллиона долларов. Мы будем на связи. #ЭбигейлУНас».

Наамит вскрикнула так, что разбудила Рона.

* * *

В отделе полиции Гленмор-Парка Ханна проработала уже больше восьми лет. И быстро ощутила изменение атмосферы в отделе. Порывистость, с которой люди перемещались с места на место, напряженные лица, не улыбочливое лицо офицера Маклур за стойкой в дежурке...

– Детектив, – обратился он к ней, когда она проходила через вестибюль отдела, – в конференц-зале номер два организован штаб расследования. Капитан Бейли просил вас к ним присоединиться, как только вы появитесь.

Кивнув, Ханна быстро направилась на второй этаж. Конференц-зал номер два, расположенный напротив кабинета оперативников, гудел как растревоженный улей. Агент Манкузо и капитан Бейли уже были там, что-то обсуждая над развернутой перед ними крупномасштабной картой Гленмор-Парка. За столом расположились несколько не знакомых ей людей, перед каждым стоял раскрытый лэптоп. Кто-то из техников протягивал провода, пытаясь собрать в одно целое какую-то сложную цифровую систему, состоящую из черных ящиков, клавиатур и огромного экрана. Ханна предположила, что это фэбээровский эквивалент белой доски, на которую в ходе расследования вывешиваются материалы по делу.

– Детектив Шор... – Капитан Бейли поманил к себе Ханну, и она подошла. Манкузо передала ей свой телефон. Ханна недоуменно глянула на экран – и сразу ощутила противный холодок, как только осознала, что смотрит на фото Эбигейл Лисман.

– Это размещено на аккаунте Эбигейл Лисман в «Инстаграме» этой ночью, – объяснила Манкузо. – Не с ее телефона, так что мы полагаем, что похитители получили от нее пароль и запостили это с одноразового мобильного. В данный момент мы не можем отследить этот телефон, поскольку он уже не в сети, но сейчас пытаемся приблизительно вычислить место, с которого похитители могли разместить этот пост.

– Три миллиона долларов? – изумилась Ханна. – Сомневаюсь, что у Лисманов есть такие деньги.

– Нет у них таких денег, – коротко отозвалась Манкузо. – Мы до сих пор не знаем, не ошибка ли это, или же попытка просто сбить нас со следа. Фото размещено в три пятнадцать ночи. Мы исходим из предположения, что Эбигейл до сих пор жива – фото было снято совсем незадолго до этого.

Ханна кивнула.

– Сейчас мы начинаем собирать все записи с камер наблюдения в районе парка и посадили людей анализировать их – пытаемся определить, в какую сторону уехал тот фургон и какой у него номерной знак. Мы уже провели подомовые и поквартирные обходы в пятисотфутовом радиусе от места похищения, и пока что ни одного свидетеля. Также сейчас получаем ордер на биллинг мобильных телефонов в этом районе.

– А ориентировка? – спросила Ханна.

– Распространена по всем каналам. Все аэропорты и пограничные переходы тоже оповещены.

– А удастся отследить любые будущие посты на этой странице в «Инстаграме»?

– Да, – Манкузо кивнула.

Ханна посмотрела на большую карту на столе.

– Вы сосредоточили внимание на Гленмор-Парке? – спросила она. – Похитители давно уже могут быть в Бостоне.

– Или в Техасе, – добавила Манкузо. – Мы отрабатываем все возможные направления. Но наш самый лучший вариант – собрать все, что возможно, именно в Гленмор-Парке. Очень похоже, что похитители были знакомы с девочкой. Мы полагаем, что они либо живут здесь, либо работают. Если нам удастся найти свидетельства, которые укажут куда-то еще, то мы двинемся туда, куда поведут нас зацепки. Через Гленмор-Парк проходят две большие автомагистрали, по которым с наибольшей вероятностью эти люди могли уехать. На обеих есть дорожные камеры. Сейчас анализируем поступающую информацию, собираем номерные знаки, пытаемся определить, покинули ли они город после похищения...

– Ясно, – сказала Ханна.

– И пытаемся вычислить этого так называемого Ноэля, на встречу с которым пришли Эбигейл и Грейси, – добавила Манкузо. – Мы полагаем, что такого человека не существует, но хотим в этом окончательно убедиться. Может, получится найти компьютер или телефон, который использовался от его имени.

– ФБР и городской отдел полиции работают вместе, – сказал Бейли. – В настоящий момент мы придаем федеральных агентов местным патрулям и детективам, чтобы закрыть это дело как можно быстрее.

– Придаете для чего? – спросила Ханна.

– Собрать показания, записи с камер наблюдения, проверять зацепки, – перечислила Манкузо. – К вам мы прикрепили агента Уарда.

Ханна огляделась по сторонам.

– А кто...

– Он еще едет из Бостона, – перебила Манкузо. – А пока нам нужно, чтобы вы занялись кое-чем еще. Наамит Лисман вышла на меня и попросила, чтобы вы держали ее в курсе касательно подвижек по делу.

– Так ведь нет пока никаких подвижек, – заметила Ханна.

– Подвижки всегда есть, – отозвался Бейли, раздраженно нахмурившись. – Нам нужно, чтобы Наамит была готова к сотрудничеству. На случай если похититель опять выйдет с ней на связь. Когда это произойдет, будет лучше, если она сразу оповестит нас. Пожалуйста, поезжай-ка туда и утешь ее – скажи, что мы делаем все возможное.

– Ладно, – сказала Ханна. – А потом что?

– Если это профессиональное похищение с целью получения выкупа, то у нас есть какое-то время, – сказала Манкузо. – Эбигейл наверняка пока что ничего не грозит. Но если это требование выкупа лишь для отвода глаз, то нам надо действовать гораздо быстрее. Нужно проверить всех осужденных за половые преступления в Гленмор-Парке, посмотреть, не проделал ли это кто-то из них. Вот вы с Уардом этим завтра и займетесь.

– Думаете, это может быть кто-то из осужденных за такие преступления? – переспросила Ханна. – Грейси сказала, что видела двоих мужчин. Я не знаю никого из этой публики в наших краях, кто работал бы в паре.

– Согласен, – кивнул Бейли. – Но нам нельзя рисковать. Если Эбигейл похитил какой-то педофил, то неизвестно, сколько он продержит ее живой.

Глава 5

Ханна встретила с Наамит и Роном, чтобы в подробностях посвятить их во все усилия, предпринимаемые ФБР и полицией. Ее описания всего проделанного, похоже, пропали втуне – неслышанными и бесполезными, словно их всосало в какую-то глубокую пустую воронку посреди гостиной. Наамит уставилась на нее пустым взглядом, затерявшись в собственных темных мыслях. Рон постоянно бросал тревожные взгляды то на супругу, то на Ханну; его глаза так и заклинали ее сказать хоть что-нибудь, что улучшит ситуацию, что даст им какой-то реальный осколок надежды. Но Ханне было нечего им предложить.

– У нас нет трех миллионов долларов, – вдруг произнесла Наамит.

– Знаю, – отозвалась Ханна.

– Если мы даже продадим этот дом, залезем в фонд Эбигейл на колледж, возьмем очень большой кредит, то может, и наберем... где-то с полмиллиона долларов.

Ханна кивнула, не зная, что сказать.

– Думаешь, они согласятся? – спросила Наамит. – Когда поймут, что у нас нет таких денег? Может, мы можем это как-то доказать, послав им выписку с нашего банковского счета? Ханна, нам никак не найти три миллиона долларов!

– Я знаю это, Наамит. Мы с этим разберемся.

– Почему они требуют такую огромную сумму? Ты сказала, что они профессионалы. Разве они не понимают, что...

– Мы этого пока не знаем, – сказала Ханна.

Комната погрузилась в молчание. И тут зазвонил телефон Ханны. Она быстро ответила:

– Алло?

– Детектив Шор? Это агент Уард. Я на улице. Напротив... – секунда тишины, – дома двадцать три по Лаветта-уэй. Это тот адрес?

– Да, – ответила Ханна. – Ждите там. Через минуту буду.

– Какие-то подвижки? – спросила Наамит, когда Ханна убирала телефон в сумку.

Детектив покачала головой.

– Просто надо проверить кое-какие зацепки, – сказала она.

– Какие зацепки?

– Нам нужно опросить... кое-каких криминальных элементов в этом районе. Кто-то из них может быть связан с похищением.

– А-а, – только и сказала Наамит. Это ее явно не успокоило.

– Как только будут какие-то новости, сразу дам вам знать.

Пара вроде как едва услышала ее слова. Ханна вышла, ощутив облегчение от возможности наконец-то оказаться на улице. Ее глаза, уставшие от недостатка сна, невольно прищурились, когда в них ударил яркий солнечный свет. Полуослепшая, она порылась в сумке в поисках солнечных очков. Надела их, и мир сразу окрасился в расслабляющий коричневатый оттенок. Неподалеку у тротуара стоял зеленый «Шеви» с работающим мотором. Подойдя к машине, она постучала в стекло пассажирской двери. Стекло опустилось, и водитель улыбнулся ей – сияющей, безупречной улыбкой.

– Детектив Шор?

– Она самая. А вы – агент Уард?

– Да, это я. Залезайте.

Распахнув пассажирскую дверцу, она забралась в машину. Там было чисто, пахло сосновым автомобильным освежителем. Ханна сразу представила себе свою собственную тачку: пустые пластиковые бутылки от воды на полу, маленькое мусорное ведро, переполненное

использованными бумажными платками и обертками от шоколадных батончиков... Она была рада, что сейчас им предстоит ездить на машине Уарда.

– Можете называть меня Ханна, – сказала она.

Уард опять улыбнулся ей. Он был чисто выбрит, кожа тепло-коричневая, волосы черные, коротко стриженные. Широкие плечи, и он вроде был довольно высокого роста, хотя трудно было понять, поскольку ее временный напарник сидел за рулем.

– Годится, – отозвался он. – Привет, Ханна!

Выждав момент, она спросила:

– И я только что вроде как назвала вас агентом...

– Ну, друзья называют меня Эйджи¹⁰, – сказал он, после чего разразился смехом. – Вообще-то меня зовут Клинт.

– Рада познакомиться, Клинт, – ухмыльнулась Ханна. Приятно было видеть хотя бы кого-то в хорошем настроении после трудного часа с Наамит и Роном. – Итак... пообщаемся с кое-какими извращенцами? С кого начнем?

Протянув длинную руку на заднее сиденье, агент Уард достал оттуда черный плоский чемоданчик и уложил себе на колени. Открыв его, порылся внутри и вытащил светло-коричневую папку.

– Думаю, что начнем с некоего... Лайонела Коула?

– А не больше ли смысла начать с осужденных по более тяжким статьям? – спросила Ханна. – Лично я бы...

– Лайонел Коул был осужден по трем эпизодам развратных действий, совершенных с особым цинизмом в отношении детей от девяти до пятнадцати лет, – произнес Клинт, нахмурившись. – По мне так достаточно серьезно. И нашей потерпевшей двенадцать полных лет, что укладывается в эту возрастную категорию.

– Лайонел Коул был осужден по трем эпизодам развратных действий в отношении детей, потому что окружной прокурор хотел сделать из него пример, – нетерпеливо произнесла Ханна. – Дети в данном случае не были *потерпевшими* – они просто при этом присутствовали. Он не метил в детей. И вообще ни в кого не метил, раз уж на то пошло. Он просто...

– Можем обсудить это по дороге, – отозвался Клинт, закрывая папку и засовывая ее обратно в чемоданчик. – Я уже сделал выборку, но буду только рад услышать и ваше мнение. Давайте все-таки начнем с мистера Коула.

Ханна посмотрела на него, чувствуя, как густо краснеет.

– Да ради бога, – отозвалась она стальным голосом. – Ну что ж, давайте пообщаемся с этим особо опасным сексуальным хищником.

* * *

Всю дорогу до дома Лайонела Ханна хранила ледяное молчание. Агент Уард вроде как ничуть против этого не возражал. Парнем он оказался разговорчивым и успел в подробностях поведать ей, как некогда отслеживал серийного насильника в Уорчестере. Ханна отстраненно слушала. Эта история, похоже, была хорошо отрепетирована. Она подозревала, что агент Уард рассказывал ее уже десятки раз, дабы произвести впечатление на своих друзей и на дам, к которым подбивал клинья.

На нее этот рассказ впечатления не произвел.

Наконец они остановились перед домом Лайонела. Находился тот в бедном районе, и большинство домов здесь были простыми на вид, а участки в лучшем случае обнесены прогнившим штакетником или оградами из обвисшей стальной сетки. Дом же Лайонела окружала

¹⁰ Эйджи (англ. Agey) – в данном случае это прозвище может означать и что-то вроде «агентик».

шестифутовая каменная стена, отчего он сразу выделялся среди прочих. Эта стена практически закрывала вид на дом с улицы.

Ханна слышала, что вся улица скинулась, дабы ее возвести.

Выйдя из машины, Клинт уставился на это капитальное сооружение.

– А это точно его дом? – спросил он.

– Да.

– Ни фиги себе заборчик...

– Думаю, он предпочитает приватность, – сказала Ханна, прекрасно зная, что все совсем наоборот. Это *sоседи* хотели обеспечить Лайонелу уединение. Самому же хозяину дома было на приватность совершенно начхать, и вообще-то он наверняка злился на эту стену.

– Ладно, пошли поговорим с ним.

– Ну конечно, хотя... Один важный момент – не спугните его.

– Простите? – Клинт в полном недоумении уставился на нее.

– Он становится непредсказуемым, когда его пугают. Может удрать.

– Ладно... – Клинт поднял брови. – Хотя не совсем пойму, о чем это вы... В этом доме живет человек, обвиняемый в половых преступлениях. Он может что-то знать о пропавшей девочке. И вы хотите, чтобы я... что? Был с ним любезен? Не задел его чувства?

– Нет, но нам совсем ни к чему, чтобы он смылся, поскольку...

– Детектив, нам нужны ответы! И я не собираюсь тут разводить сопли в сахаре только ради того, чтобы поберечь чью-то тонкую душевную конституцию.

Ханна ухмыльнулась.

– Вы полностью правы, – сказала она. – Берите бразды на себя.

Клинт подошел к калитке – такой же высокой, как и стена. Подергал ручку, и деревянная створка сразу открылась.

– Кой толк от этой здоровенной стены, если не запирается? – пробурчал он.

Ханна лишь пожала плечами.

Двор был пуст – только затвердевшая от мороза земля и несколько бетонных плиток, ведущих к входной двери. У дома были необычно большие окна, и Ханна заметила за одним из них какое-то движение. Лайонел явно был дома.

Уард постучал в дверь. Через миг она распахнулась.

Ханна прекрасно знала, чего ожидать, и теперь с удовольствием наблюдала, как глаза у Клинта широко раскрылись и отвалилась челюсть. В двери стоял худой мужичонка средних лет с длинными всклокоченными седыми волосами и неухоженной бородой. Он был совершенно голый, и его пенис дрябло болтался между ног, когда он посмотрел на агента и Ханну. Лайонел даже не сделал попытки хоть как-то прикрыться.

– И че? – поинтересовался он.

Ханна секунду выждала. А когда поняла, что агент по-прежнему не знает, что делать, обратилась к хозяину дома:

– Лайонел, я детектив Шор. А это агент Уард из ФБР.

– Насчет чего?

– Не могли бы вы сообщить нам, где находились вчера в восемь и десять часов вечера?

– Зачем?

– Потому что нам нужно знать.

– И че?

Клинт вроде как очнулся от долгого оцепенения.

– Мы расследуем исчезновение маленькой девочки, – ответил он, уже резко и рассерженно.

Вздохнув, Ханна позволила ему продолжать.

– И че? – повторил Лайонел.

- А то: где вы были вчера вечером?
- Здесь.
- Кто-нибудь может это подтвердить?
- Нет.

Агент повысил голос.

– Мистер Коул, вчера вечером из парка неподалеку пропала девочка. Вам об этом что-нибудь известно? Может, вы увидели ее и решили, что ей хочется немного поразвлечься? Может, схватили ее и...

– Не видел я никаких девочек...

– Вам ведь нравятся маленькие девочки, так ведь, Лайонел? Вам нравится думать про них, гладить их...

Развернувшись, Лайонел бросился внутрь дома. Ханна уже устремилась к задней двери, прекрасно понимая, что не успеет туда вовремя. Бегала она быстро, но не настолько же.

Он вырвался из задней двери – болтающийся пенис шлепал его по ногам на бегу – и метнулся прямо к стене, окружающей участок. Рассчитывал перепрыгнуть? Прыжок был бы не из простых, особенно для...

Подскочив к внушительной ограде, Лайонел подпрыгнул, уцепился за край и подтянулся наверх, словно какой-то голый полоумный Питер Пэн¹¹. Ханна ухватила его за ноги, но они оказались невероятно сильными. Пару раз лягнув ее, он был таков.

– Где? Где? – услышала она вопль Клинта. Тот стоял у задней двери, с видом удивленным и сконфуженным.

– За стеной! – резко бросила ему в ответ Ханна.

Отступив на несколько шагов, она разбежалась и подскочила в воздух – сила инерции забросила ее на верх стены. Перевалилась через нее и спрыгнула на противоположной стороне, смягчив удар согнутыми коленями. Оглядевшись по сторонам, увидела вдалеке бледные ягодицы Лайонела, с невиданной прытью улетающего по Фэлкон-драйв.

Клинт, спрыгнувший рядом с ней, лихорадочно вертел головой.

– Вон он! – выкрикнул он, устремляясь вслед за Лайонелом.

Ханна лишь покачала головой. Вот же придурок... Старательный придурок, но все равно придурок. Ему в жизни не догнать Лайонела, хотя надо отдать Клинту должное – бегуном он оказался неплохим.

Сама же она побежала в сторону Кардинал-драйв. Обе улицы пересекались, и кратчайший путь к перекрестку был как раз по Кардинал-драйв. Оставалось надеяться, что удастся перехватить Лайонела там. Хотя, если честно, настроена она была скептически.

Лайонел Коул пользовался сомнительной славой самого быстрого голого бегуна во всех Соединенных Штатах. Его главным хобби был бег в голом виде, и как раз по этой причине в его криминальном досье фигурировало так много приводов за непристойное поведение в общественных местах и развратные действия в отношении несовершеннолетних. Дети, перед которыми он предстал в таком виде, попросту оказывались у него на пути во время его пробежек. Но общественность была глубоко возмущена, поскольку детям не полагается любоваться на пенис, болтающийся между ног бегуна на скорости двадцать миль в час. После нескольких обвинений в развратных действиях Лайонел присел в тюрьму на девять месяцев.

И теперь он занимался все тем же самым, преследуемый агентом ФБР и детективом местного отдела полиции.

¹¹ Питер Пэн – персонаж сказочных повестей шотландского писателя Дж. М. Барри и одноименного диснеевского мультфильма – мальчик, который не хочет стареть.

* * *

Марта Фицуильям медленно вела машину, затерявшись в собственных мыслях и приглядываясь к дороге сквозь очки с толстенькими стеклами. Артрит опять давал о себе знать, и она старалась не обращать внимания на боль в пальцах, вцепившихся в рулевое колесо.

Ехала она в свой книжный клуб и все пыталась придумать, что бы там такого сказать. Ее приятельница Эдит выбрала для чтения в этом месяце книгу «Сто лет одиночества»¹², и Марте этот выбор пришелся решительно не по вкусу. Все остальные в клубе предпочитали дамские романы или старомодные детективы, и Марта знала, что Эдит выбрала это произведение исключительно из желания продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство.

Сама она даже не одолела его до конца. Это был крайне экстравагантный роман, полный странных, необъяснимых событий. Когда одна из героинь, Ремедиос, вдруг ни с того ни с сего вознеслась душой и телом на небеса, Марта раздраженно захлопнула книгу и не стала заморачиваться с выяснением того, чем там дело кончилось.

Но, что хуже всего, за месяц до этого у Эдит хватило наглости подорвать обсуждение собственного выбора Марты – романа «Проект «Рози»¹³. Вот та книга действительно доставила ей удовольствие – смешная, пленяющая и по всем статьям замечательная, просто мед на сердце! Марта всю неделю предвкушала эту встречу в клубе, не в силах дожидаться возможности поговорить о своих любимых эпизодах этой чудесной книги. Но буквально через пять минут после начала этого обсуждения Эдит вдруг обмолвилась о каком-то происшествии, случившемся с ней в ходе покупки столовой скатерти, и книга была моментально забыта.

И вот теперь Марте хоть тресни надо было придумать, что бы такое сказать про эти «Сто лет полной скучищи». Упомянуть лишь про первые тридцать или сорок страниц книги было не с руки, поскольку Эдит моментально просекла бы, что она ее не дочитала. Но по ходу чтения книга становилась все «страньше и страньше», и пока единственным глубокомысленным замечанием, которое приходило ей в голову, было «ну, это весьма своеобразное произведение».

Тут ее внимание привлекло какое-то движение на улице впереди. Это был мужчина, бегущий вдоль по улице и одетый в какой-то странный бежевый спортивный костюм. Бежал он очень быстро, и Марта ударила по тормозам, опасаясь, что он может внезапно выпрыгнуть под машину. Он вроде как состязался с другим мужчиной, одетым куда более формально. Марта замороженно наблюдала за ними, пока они приближались к ее машине. С костюмом бежавшего впереди было определенно что-то не то.

Это оказался не костюм. Бегун был голый.

– О боже, – пролепетала Марта, ни к кому конкретно не обращаясь. Присмотрелась сквозь очки, просто чтоб окончательно убедиться, но нет, все верно: мужчина и впрямь был совершенно голый.

За всю свою жизнь Марта видела лишь троих голых взрослых мужчин: своего супруга Джорджа, своего сына (она случайно натолкнулась на него в ванной, когда он вылезал из-под душа), и еще раз, в одном крайне новаторском балете, когда танцовщик вдруг полностью разоблачился прямо посреди своей партии. И вот теперь, точно как тогда на балете, кровь бросилась ей в голову, и она ощутила легкое головокружение. Подумала, не отвести ли взгляд, но тело словно отказывалось реагировать помимо ее воли.

¹² «Сто лет одиночества» – роман колумбийского писателя Г. Г. Маркеса, одно из наиболее характерных и популярных произведений в направлении магического реализма. Впервые опубликован в 1967 г.

¹³ «Проект «Рози» – первая книга австралийского писателя Г. Симсиона, изданная в 2013 г. Сюжет вращается вокруг преуспевающего ученого-генетика, страдающего синдромом Аспергера, что весьма осложняет ему социальные контакты вообще и попытки завести семью в частности.

Добежав до ее машины, голый остановился. Рассмеялся – радостным, беззаботным смехом, – три раз подпрыгнул на месте, причем член двигался вместе с ним, подсакивая вверх, когда он падал вниз, и опадая, когда он взлетал вверх. Потом бегун подпрыгнул еще выше, и его босые пятки шлепнулись на капот машины. Теперь ей были видны только его ноги и кончик пениса, оказавшийся возмутительно близко к ее лицу. Мужчина еще раз подпрыгнул – его пятки на сей раз шлепнули об асфальт на противоположной стороне машины – и помчался дальше.

– ФБР! Стой! – заорал его преследователь, устремляясь за ним. Он уже явно совсем выдохся, лицо его было перекошено от злости. Обежав ее автомобиль, мужчина продолжил гнаться за голым.

Марта бросила взгляд в зеркало заднего вида. Ей по-прежнему была видна бледная задница непонятного бегуна, улепетывающего прочь и все больше и больше отрывающегося от агента ФБР.

– О боже, – выдохнула она опять.

Посидела совершенно неподвижно минуту-другую, а потом опять тронулась с места, чувствуя себя как во сне. Губы ее изогнулись в едва заметной улыбке.

Теперь ей будет что рассказать, когда все начнут обсуждать эти несчастные «Сто лет одиночества»!

* * *

Ханна бежала со всех ног, ругая себя за то, что поехала с Клинтом, а не взяла свою собственную машину. Преследовать Лайонела на своих двоих было задачей, заранее обреченной на провал. Уард должен был включить мозги и запрыгнуть в свою машину, но опять-таки – откуда ему было знать, что Лайонел такой резвый бегун? Разумеется, если б он только *послушал*, что ему говорят...

Добежав до перекрестка с Фэлкон-драйв, Ханна с удивлением обнаружила, что до Лайонела еще ярдов пятьдесят. Что-то, видно, его задержало – он оказался не таким быстрым, как обычно. Теперь у нее появился шанс. Оставалось только все правильно рассчитать. Она вся подобралась – в крови забушевал адреналин, глаза остановились на цели, которая становилась все ближе и ближе. На бегу Лайонел постоянно оборачивался за спину, с широкой и несколько безумной ухмылкой на лице. Ну, еще чуть-чуть... еще немножко...

Ханна скакнула вперед, надеясь, что правильно рассчитала дистанцию. Лайонел повернул голову, заметил ее – но он бежал слишком быстро, и она оказалась прямо у него на пути. Он попробовал вильнуть в сторону, чтобы обойти ее, но было уже слишком поздно. Ханна врезалась в него, и они единой кучей повалились на землю.

Пока она вытаскивала наручники и грубо заламывала ему руки за спину, Лайонел осыпал ее проклятиями. Клинт подбежал как раз в тот момент, когда щелкнули стальные браслеты. Глаза у агента были выпучены, и дышал он, как заядлый курильщик.

– Что... за... черт... – выпалил он, хватая воздух ртом.

– Лайонел, вы ведь жопу себе отморозите, если будете бегать голышом в такую погоду, – спокойно произнесла Ханна, помогая тому подняться.

– Пустите меня!

– А как... почему... – Клинт все никак не мог найти слов.

– Лайонел – самый быстрый голый бегун во всех Соединенных Штатах, – объяснила ему Ханна. – Он как-то пробежал голышом шестьсот ярдов за минуту и шестнадцать секунд.

– За минуту пятнадцать и две сотых секунды, – с обиженным видом поправил ее Лайонел.

– Ну да, простите... В общем, как я уже говорила, не стоило его пугать, он очень нервный.

– Отпустите меня! – опять выкрикнул Лайонел.

– Ладно, пошли. – Ханна потащила его обратно в сторону дома. – Вы замерзнете до смерти, если будете оставаться тут голым, а свою куртку я вам не дам.

Она решительно поволокла Лайонела за собой, а тот все продолжал крыть почем зря ее и Клинта. Агент поплелся сзади, явно с пристыженным видом, так что забава того стоила.

Наконец они водворили Лайонела обратно в дом. Ханна заволокла его внутрь, агент зашел следом и тщательно запер дверь.

– Одевайтесь, – приказал Клинт.

Лайонел вызывающе проигнорировал это требование.

– Не думаю, что у него вообще есть одежда, – заметила Ханна.

Дом был настолько пуст и грязен, что это зрелище вгоняло в тоску. В гостиной перед старым телевизором стоял единственный диван. Ханна подтащила Лайонела к нему и усадила. Потом подобрала одну из валяющихся на диване подушек и бросила ему на колени.

– Прикройтесь, – распорядилась она. – Так вы не будете смущать агента Уарда. Он очень чувствительный.

– Ну да, чувствительный, как моя жопа, – пробурчал Лайонел, но подушку не сбросил.

– Лайонел, вчера вечером в парке неподалеку пропала двенадцатилетняя девочка, – начала Ханна. – Ваша фамилия всплыла в ходе расследования, по причине ваших многочисленных приводов.

– Я не похищаю маленьких девочек, – буркнул Лайонел, глядя в пол.

– Было бы хорошо, если б кто-нибудь видел вас вчера вечером, – продолжала Ханна.

– А?

– Кто-нибудь вас видел?

– Угу.

– Вы опять пробежали мимо кафе «У Тони»? – прозорливо поинтересовалась Ханна, бросив выразительный взгляд на Лайонела, который, приподняв брови, покосился на нее в ответ.

– Угу.

– В какое время?

– Да вроде около половины девятого, – пробормотал Лайонел.

– Ладно, мы это обязательно проверим. И постарайтесь держаться подальше от неприятностей, договорились?

Голый поднял взгляд.

– Так вы меня не арестуете? – спросил он.

Ханна ухмыльнулась.

– Никакого ущерба не причинено, – отозвалась она. Помогла ему встать, сняла с него наручники и направилась к выходу.

Клинт тихо последовал за ней, и они сели в машину.

– Выходит, этот малый регулярно такое проделывает? – спросил он.

– Точно.

– Так что нам остается проверить, не жаловался ли кто-нибудь на голого мужчину, пробегающего мимо... кафе «У Тони», – продолжил он. – А потом...

– Не будет никаких жалоб, – перебила его Ханна. – У Лайонела с этой кафешкой в некотором роде симбиоз.

– Простите?

– Жрчка «У Тони» отвратная. а кофе даже еще хуже. Люди ходят туда, потому что знают: есть хороший шанс полюбоваться, как Лайонел пробегает мимо.

Клинт уставился на нее.

– Серьезно?

Ханна кивнула.

– Погодите минутку. – Вытащив свой телефон, она отыскала номер кафе «У Тони» и нажала на «позвонить».

– Аллю?

– Здрасьте, это детектив Шор из отдела полиции Гленмор-Парка. Это «У Тони»?

– Ну да. Что вам надо, детектив?

– Просто короткий вопросик. Лайонел Коул не пробежал ли мимо вас вчера вечером?

Секунда молчания.

Ханна закатила глаза.

– Я не собираюсь его арестовывать, – заверила она в трубку. – Просто хочу подтвердить его алиби по совершенно другому делу.

– А-а, ясно. Ну да, он был здесь. Пронесся перед витриной быстрее, чем какой-нибудь чертов Дорожный Бегун¹⁴, болтая хером. Реально не пойму, как он у него вообще не отвалился в такой колотун. Он был практически малиновый. В смысле... Все-таки мороз на дворе. Парень натурально чокнутый.

– Хорошо. В какое время вы его видели?

– Ну... совсем уж точно не помню... Хотя погодите. Я как раз пробивал чек на кассе. Заказ был реально странный – четыре разных человека все разом заказали спагетти карбонара.

– О, просто чудесно; можете проверить?

– Конечно, уже смотрю... Дикость какая-то, правда? Четыре человека, и всем подавай карбонару? В смысле... иногда весь столик заказывает шоколадный торт на десерт, это я еще понимаю. Но четверо, и всем вперлись макароны с беконом? Не думаете, что это странно?

Ханна побарабанила пальцами по приборной панели.

– Да, это очень странно, – отозвалась она. – Так когда там...

– Да, вот оно, нашел. Они оплатили счет в двадцать тридцать семь, и вот тут как раз Коул промчался мимо. Блин, они были рады до задницы! Орали и хлопали, будто он какая-то кинозвезда.

– Ничуть не сомневаюсь. Спасибо.

– Нет проблем. Коулу от меня привет.

Ханна отключилась.

– Итак, – обратилась она к Клинту. – У Лайонела Коула железное алиби. И кого думаете посетить следующим?

Клинт ухмыльнулся, вновь демонстрируя свои превосходные зубы.

– Вот что я вам скажу, – сказал он. – Думаю, что нам стоит заскочить куда-нибудь перекусить, а пока мы будем есть, вы можете пробежаться по списку и сказать мне, кто у нас дальше на очереди.

– По-моему, хорошая мысль, – отозвалась Ханна.

¹⁴ Дорожный Бегун – мультяшный страус, один из персонажей мультсериала «Хитрый Койот и Дорожный Бегун» («Wile E. Coyote and the Road Runner»).

Глава 6

Ханна с Клинтом поехали в «Рэд-пиццу» неподалеку от отдела полиции. Официантка проводила их к маленькому квадратному столику возле окна. Усевшись и взяв у официантки меню, Ханна тут же отложила его в сторону. И так уже почти выучила его наизусть.

– Что тут хорошо готовят? – спросил Клинт, бегая взглядом по строчкам.

– Пиццу, к примеру, – ответила Ханна, пожав плечами. – А вот пасту я здесь ни разу не пробовала. Маффины у них тут тоже хороши, но не уверена, что это особо существенная еда для обеда.

– Хм-м... Тогда, пожалуй, возьму просто пиццу с пепперони.

– Давайте закажем одну большую, – предложила Ханна. – Она достаточно большая, на двоих хватит.

– Годится, – отозвался Клинт, откладывая меню.

– Ну вот и чудесно. Можно мне ваш списочек извращенцев?

Агент покопался в своем чемоданчике.

– Если бы я получал доллар всякий раз, когда женщина мне это говорит... Вот. – Он передал Ханне папку.

– Так, давайте посмотрим... – Ханна открыла папку. Пробежалась взглядом по списку фамилий, распечатанному на страничке под грифом «ФБР – для служебного пользования». – Так-так. Ваш номер два и вправду стоит внимания – явный педофил, нацеленный на девочек от десяти до шестнадцати... но ему уже семьдесят четыре. Не могу представить, как он гонится за двенадцатилетней девочкой в темноте и тащит ее в фургон.

– Уже надумали?

Ханна подняла взгляд на официантку – молодую девицу с густо накрашенной физиономией и здоровенным засосом на шее.

– Большую пиццу с пепперони, – отозвался Клинт. – И воду с газом для меня.

– А мне колу, пожалуйста, – добавила Ханна, не отрывая глаз от шеи девицы.

Кивнув, официантка ушла. Многозначительно откашлявшись, Ханна вновь опустила взгляд на список.

– Двоих вы тут пропустили, – заметила она.

– Тут все, у кого есть приводы за половые преступления в отношении детей в Гленмор-Парке, – возразил Клинт.

– Верно, только тут у нас имеются еще два типа, осужденных за развратные действия в отношении взрослых, но есть информация, что и малолетними девочками они тоже не гнушаются... Дайте-ка чем написать.

Он передал ей ручку. Когда Ханна брала ее, их пальцы случайно соприкоснулись. У него они оказались теплыми и на удивление мягкими. Выдернув ручку у него из руки, она дописала еще две фамилии. А потом тщательно пронумеровала список.

Официантка принесла им напитки, и Ханна надолго прикинула к стакану с холодной колой, смакуя вкус насыщенной сахаром коричневой жидкости, после чего вновь сосредоточилась на странице. Наконец положила папку и ручку на стол и подвинула их Клинту. Тот взял папку, открыл и, нахмурившись, пробежался взглядом по ее содержанию.

– Что? – спросила Ханна.

– Просто... пытаюсь разобрать ваш почерк.

– У вас проблемы с моим почерком?

– Нет,нисколько! Почерк очень... изящный. Вот здесь – это «Б» или «Д»?

– Это «О».

– Ну конечно же! Так вы предлагаете сделать следующую остановку... у мистера Артура Оуттона?

– Да. Он только что вышел из тюрьмы, отсидев два года, приставал к девочкам в интернете, дважды осужден за попытку изнасилования – и ему чуть за тридцать, так что он без всяких проблем одолел бы двенадцатилетнюю девчонку.

– Но стал бы он похищать ее?

– Вряд ли, – признала Ханна. – Но тут вообще нет таких, которые, по моему мнению, стали бы. Мы даже точно не знаем, похитил ли Эбигейл Лисман кто-то из этой категории, особенно если учесть, что, по словам Грейси, их было двое. Хищники из этого списка никогда не выказывали особой любви к компании.

– Ладно, – кивнул Клинт. – Но все равно надо проверить.

Когда официантка поставила на их столик блюдо с пиццей, Ханна сразу цапнула с него ломтик и впилась в него зубами, причем едва не обожгла язык. Округлила рот, чтобы остудить его. Ухитрилась наконец проглотить кусок и быстро откусила следующий.

– Не спешите, детектив, – с ухмылкой посоветовал Клинт. – У нас еще есть минутка-другая.

– Жутко есть хочу, – призналась она с набитым ртом. – После погонь за голыми бегунами всегда разгуливается аппетит.

– Вы меня просто восхитили, кстати, – заметил Клинт. – Никогда бы не подумал, что вы так вот запросто перемахнете через стену.

– А почему? – поинтересовалась Ханна, приподняв бровь.

– Потому что... э-э... – Он нерешительно замолчал, явно сознавая, на какое минное поле собирается ступить. Сам откусил от своего ломтика, стал медленно жевать, а Ханна с вопросительным видом откинулась на стуле, сложив руки на груди.

– Из-за ваших волос, – произнес он наконец. – Не знал, что люди с каштановыми волосами способны так высоко прыгать.

Ханна разразилась смехом.

– Из-за волос, говорите? – отозвалась она. – Не потому, что я коротышка?

– Детектив Шор! Я в ужасе! – проникновенно произнес Клинт, прикладывая руку к сердцу. – Вы хотите обвинить меня в дискриминации по ростовому признаку? Для меня рост никак не сказывается на способности к прыжкам. У меня и в мыслях такого не было!

– Ладно, ладно... – Ханна покачала головой. – Вы и сами неплохо себя показали. Заставили Лайонела поднапрячься, а он, между прочим, чемпион Соединенных Штатов по бегу в голом виде.

– Слушайте, а это что, правда? – заинтересовался Клинт, подаваясь вперед. – Действительно был такой забег?

– По крайней мере, насколько я слышала, – ответила Ханна. – Сама при этом не присутствовала, но наверняка зрелище было еще то.

– И он получил медаль?

– Надеюсь, что так.

– И чемпионат мира в этом виде есть?

– Вас, гляжу, крайне заинтриговала данная тема, – заметила Ханна. – С чего бы это вдруг? Подумываете и сами участвовать? Это очень непростой вид спорта.

Клинт опять ухмыльнулся. Он вообще часто улыбался – чаще, чем большинство людей, которых она знала. У него была открытая, заразительная улыбка, и из-за этого Ханна наконец-то немного расслабилась. Чего ей никак не удавалось со вчерашнего дня – с того момента, как ей позвонила Наамит.

Мысли о Наамит вызвали у нее чувство вины. Вот она где сейчас – обедается пиццей, улыбается, смеется, пока Наамит пребывает в натуральном аду, не зная, что происходит с ее

дочерью. Ханна чувствовала, что надо что-то делать, но в данный момент все, что ей оставалось, – это лишь проверять имеющиеся зацепки и работать в как можно более тесном контакте с ФБР.

– Что-то не так? – спросил Клинт. – У вас лицо вдруг стало, как у грустного щеночка с открытки.

Пожав плечами, Ханна помотала головой.

– Просто задумалась про наше дело, – сказала она. – Я знаю мать потерпевшей, так что никак не могу абстрагироваться. Это задевает меня за живое.

– Все-таки похищение двенадцатилетнего ребенка, – негромко произнес Клинт. – Ну как тут не задеть за живое?

– А вам много приходилось работать по делам о пропаже детей? – спросила Ханна.

Он кивнул.

– Только в прошлом году трижды. По-моему, более чем достаточно.

– Надо думать.

– Ну а вы? – спросил Клинт. – Чем вы обычно занимаетесь в качестве детектива полиции Гленмор-Парка?

– Ну, в отделе уголовного розыска Гленмор-Парка у детективов нет какой-то особой специализации. Так что... наркоторговля, проституция, кражи... да практически всем.

– И вам нравится? В смысле, ваша работа, а не... проституция и убийства.

– В основном да, – произнесла Ханна после некоторой паузы. – Хотя иногда тяжело это выносить. Я думала, что наращу толстую кожу, и иногда кажется, что так и есть, – но когда за нее все-таки что-то пролезает, то так и остается со мной.

Клинт с серьезным выражением лица кивнул.

– Эта беседа начинает немного напрягать, – пробормотала Ханна. – Мне было больше по вкусу, когда мы обсуждали всяких педофилов в наших краях.

– Давайте тогда сменим тему, – жизнерадостно отозвался Клинт. – Как вы отпраздновали День святого Патрика?

Ханна лишь удивленно заморгала при такой смене темы.

– Я не праздную День святого Патрика.

– В самом деле? Почему?

– Потому что я иудейка.

– О! – Клинт на секунду примолк. – Так что, вы ничего не делали?

Ханна замешкалась с ответом.

– Не совсем так. А вы что делали?

– Ничего. – Он пожал плечами. – Хотел вначале пойти на парад – в Бостоне его проводят с большой помпой. Но подвернулась очередная работенка. Так вы еврейка?

– Да, – кивнула она.

– Выходит, отмечаете еврейские праздники вроде Рош ха-Шана и, э-э... – тут он на секунду замаялся. – Йом Кипур?

– Ну, формально говоря, Йом Кипур не празднуют, – уточнила Ханна. – Во время него постятся и молятся.

– Точно. И вы тоже?

– Нет. Я не особо слеую традициям. А вот мой папа – тот да. Ходит в синагогу, молится и все такое. – Отец Ханны особо обратился к вере после развода с ее матерью, но она предпочла не делиться такими подробностями.

– Интересно.

– Правда? – спросила Ханна, скептически изогнув губу.

– Думаю, что да. – Клинт пожал плечами.

– А вы верующий?

– Нет, не особо.

– А ваши родители?

– Да. Католики. А я – нет.

– А почему?

– Потому что мой брат умер шести лет от роду, – ответил Клинт. – Мне сказали, что это Бог его забрал. Чужь собачья...

– О... – выдохнула Ханна, смутившись. – Сочувствую.

– Спасибо.

– А как он умер?

– Погиб в ДТП. Ехал на велике и вдруг свернул на проезжую часть. Никто не знает почему. Водитель был не виноват, да и скорость не превышал. Просто такое уж стечение обстоятельств.

Клинт почти молитвенным жестом переплел пальцы и положил руки на стол. Уставился на них. А когда опять заговорил, голос его звучал совсем тихо.

– Мне было восемь, и я ехал сразу за ним. – Он поднял глаза к потолку и заморгал. – Я нечасто про это рассказываю. А потом, это случилось давным-давно.

Ханна внезапно испытала побуждение схватить его за руки, крепко сжать их, сказать ему, насколько она сожалеет.

– Давайте-ка лучше двинем, – сказала она вместо этого. – Нам надо опросить следующего извращенца.

* * *

Бернард шагнул в пустой кабинет оперативников. В голове глухо пульсировало. Поспать ночью практически не удалось, а все утро он прокатался на пару с агентом ФБР, оказавшимся даже еще более болтливым, чем его тетя Лорена. А что касается болтовни, то тут превзойти тетю Лорену практически нереально. В конце концов Бернард сказал этому агенту, что ему надо срочно заняться какой-то бумажной работой – только чтобы избежать потока слов, изливающегося на его истощенный мозг. Прикрыв глаза, он сделал глубокий вдох, наслаждаясь блистательной тишиной кабинета.

– Детектив Глэдвин?

Со вздохом повернувшись, он узрел агента Манкузо, стоящую в дверях кабинета.

– Приветствую, – отозвался он. – Просто заскочил забрать, э-э... – тут пришлось обвести взглядом письменные столы, стулья и компьютеры, – кое-что.

– Есть минутка пообщаться? – спросила она.

– Конечно.

Манкузо устроилась в кресле Митчелла Лонни. Бернард сел в собственное, подкатив его ближе к ней.

– Мы уже опросили персонал школы, в которой училась Эбигейл Лисман, – сообщила она, – и определили подозреваемого.

– Ого! – обрадовался Бернард. – Это хорошо. Кто-то из учителей?

– Нет, – ответил Манкузо. – Насколько я понимаю, вы с ним знакомы. Некий Юрген Адлер.

Бернард в полном изумлении уставился на Манкузо.

– Тут, должно быть, какая-то ошибка...

Та выгнула бровь.

– А что? Разве вы не знаете Юргена Адлера?

– Естественно, я его знаю! То, что я хотел сказать, – это что он никак не может быть главным подозреваемым.

– И почему же?

– Потому что он никогда не похищал малолетних девочек.

– В самом деле? – Агент Манкузо вытащила из своего плоского чемоданчика светло-коричневую папку, открыла ее и проглядела первую страницу. – Разве он не подозревался во взяточничестве и подтасовке улик, когда вы были напарниками?

– Было дело, но его не осудили, даже обвинения не предъявляли.

– Тут также говорится, что на него поступали многочисленные жалобы...

– Которые были отозваны, – перебил ее Бернард. – Послушайте, я понимаю, к чему вы клоните. Юрген Адлер далеко не ангел, но он и не похититель.

Вздыхнув, агент Манкузо достала из папки три распечатанные фотографии. Выложила их в ряд на столе Митчелла. Бернард глянул на них, ощутив дурноту. На всех трех был хорошо знакомый ему синий «Форд Фиеста». А на одном из фото Бернард сразу узнал Эбигейл Лисман, выходящую из здания с кучкой подростков. На следующей был хорошо виден Юрген Адлер, высунувший объектив фотоаппарата из водительского окна машины.

– Все три фото – с камер наблюдения, расположенных вокруг школы, – объяснила агент Манкузо. – Снято в три различные даты, в течение последних шести недель.

– Юрген Адлер сейчас частный детектив, – сказал Бернард. – В основном работает, снимая изменяющих друг другу жен и мужей. Он наверняка следил за кем-то из учителей, пытаясь добыть доказательства супружеской измены.

– Это объяснение кажется мне несколько притянутым за уши, – заметила агент Манкузо. Бернард пожал плечами.

– Ну не знаю, случаются и более странные вещи. И Юрген – не похититель. Послушайте: вызовите его для допроса, и он в пять секунд вам все прояснит.

– Мы уже установили за ним наблюдение и прослушиваем его телефон, – сказала Манкузо. – Хотим посмотреть, не приведет ли он нас к девочке. Если мы вызовем его на допрос, его сообщники могут скрыться.

– Да нет у него никаких сообщников! Вы идете по ложному следу, агент.

Манкузо поджала губы и без единого слова посмотрела на него.

– А от меня-то вы чего хотите, во всяком случае?

– Вы были его напарником, – веско объявила она. – Вы знаете его лучше любого другого. Нам нужно знать – если мы его арестуем, выдаст ли он сообщников? Насколько близко ему понятие верности? Что им движет? Мы не можем позволить себе оборвать этот след. Нам надо выяснить про него все, что только возможно.

Насколько верен Юрген? Хороший вопрос. Бернард так до сих пор и не был готов на него ответить. Когда они были напарниками, Бернард был уверен, что готов доверить этому человеку даже собственную жизнь. Да и потом, когда набрались улики, он стоял на стороне напарника. И стоял до того дня, пока Юрген не ушел из органов, признавшись с глазу на глаз Бернарду, что большинство собранных против него свидетельств как минимум частично соответствуют истине.

– Послушайте, – произнес Бернард, – Юрген не из тех, кого легко расколоть. И понять его тоже непросто. Все приемы допроса ему прекрасно известны. Он – один из умнейших людей, которых я только знал. Расследование против него займет месяцы, и все равно не получится ничего ему реально предъявить. Он никогда ни в чем не признается, пусть даже если и будет наверняка виновен.

– Если мы его все-таки арестуем, – сказала Манкузо, – то нам понадобится ваша помощь при допросах.

– Моя помощь? Зачем?

– Мы думаем, что ваше присутствие выбьет его из колеи.

Бернард помедлил.

– Я сделаю все, что прикажет мне капитан, – произнес он наконец. – Но сомневаюсь, что от меня вам будет много толку – Юрген способен читать меня, как раскрытую книгу. Он будет знать, что я не верю в его виновность. Да, я знаю его, но это палка о двух концах. Честно говоря, я практически уверен, что он знает меня гораздо лучше, чем я его.

– Ну что ж, – заключила Манкузо, собирая фото и укладывая их обратно в папку, – я надеялась, что вы окажетесь более полезны. В конце концов, в свое время этот человек поставил вас в весьма неловкое положение... Насколько я понимаю, вы и сами проводили кое-какие изыскания?

Бернард стиснул зубы, сдерживая гнев.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть эту девочку, – сказал он, – и буду только рад сесть рядом с вами и разобрать мою историю с бывшим напарником по косточкам. Но еще раз говорю вам – он не похититель.

– А вот на этот счет посмотрим, – отозвалась Манкузо, вставая.

Глава 7

Во рту у Ханны стояла горечь, и казалось, будто все тело покрыто какой-то слизью. Бывали дни, когда она не чувствовала себя чистой, сколько бы раз ни принимала душ. Клинт вез ее на своем «Шеви» к ее машине. Благодушной атмосферы, окружавшей их, когда они вышли из «Рэд-пиццы», как не бывало. Дело было уже к ночи, и они успели посетить и опросить двух насильников, растлителя малолетних и педофила, на лэптопе у которого как-то нашли больше семисот порноклипов с детьми. Ханна просто не могла так долго сохранять спокойствие и профессиональную отстраненность. Эти больные на всю голову представители человечества в самом своем худшем проявлении пролезли ей под кожу, проникли в кровь, присосались к сердцу.

Клинт тоже притих, его лицо было серьезным. Раз или два он шевельнул губами, словно бормоча что-то про себя, хотя ничего не произнес вслух. Интересно, подумала она, часто ли ему приходилось заниматься чем-то подобным, находил ли он этот день столь же мерзким, что и она. Ханна, конечно, знала, что такие люди существуют на свете, но от разговоров с ними, от того, каким образом они реагировали, услышав о пропавшей девочке, становилось еще хуже.

И разумеется, все это оказалось совершенно бесполезно. Двое из опрошенных предоставили железобетонные алиби. У двух других алиби не нашлось, но обоим вряд ли можно было отнести к вероятным подозреваемым, и они полностью отрицали, что хоть что-либо знают о случившемся. Когда пропадает ребенок, порядок требует навестить всех известных извращенцев, и это вполне имеет смысл. Но в данном случае это казалось просто копанием в дерьме без всякой веской причины.

Клинт остановил машину на темной улице, напротив дома Лисман. Несколько секунд они сидели в молчании – еле слышный шум дорожного движения вдалеке был единственным звуком, помимо их собственного дыхания.

– Ну как вы? – спросил Клинт.

Ханна пожала плечами.

– Нормально. А вы?

Клинт повернулся к ней лицом.

– Бывало и лучше, – ответил негромко.

Она посмотрела на него, обнаружив, что его большие карие глаза нацелены прямо на нее. Быстро отвела взгляд.

– Да уж, – только и сказала она.

– Через какое-то время все это пролезает внутрь до самых печенок, – произнес Клинт. – Я знаю, каково это.

– Мерзкое ощущение, – призналась Ханна, глядя в боковое окошко машины. В стекле ей было видно его смутное отражение – он по-прежнему наблюдал за ней.

– Да уж... – Клинт вздохнул. – Не хотите об этом поговорить?

Она прикусила губу. Говорить на эту тему не хотелось, но Ханна поймала себя на том, что все равно говорит.

– Когда я была маленькой, то думала, что все люди по определению хорошие. Это то, что всегда говорила мне моя мама. Что каждый появляется на свет с добрыми намерениями. И я верила ей.

– Это просто замечательно – верить.

– Нет, нисколько. Потому что, когда вы обнаруживаете, что это не так – что есть люди, способные взять десятилетнего ребенка, уткнуть его лицом в подушку и... и... использовать его, как кусок мяса... Когда вы понимаете, что такое действительно происходит – причем не где-то там далеко, а совсем рядом, может, даже у ваших соседей, – тогда вы больше уже ничему

не верите, вам приходится заново строить все с нуля, потому что весь ваш взгляд на мир искажен и не соответствует действительности, и...

Клинт тронул ее за руку, и это прикосновение отдалось покалыванием на коже. Ханна поежилась, набрала полную грудь воздуха, с шумом выдохнула.

– Простите, – сказала она. – Что-то я разболталась. Несу какой-то бред... Это был долгий день.

– Да, долгий, – согласился Клинт. – Но все нормально. И не думаю, что это бред.

Повернувшись к нему, она слегка улыбнулась.

– Спасибо. У меня редко бывают такие эмоциональные вспышки. Вы застали меня не в лучший момент.

– Сомневаюсь.

Ханна посмотрела на него, не зная, что сказать.

– Как бы там ни было, ваша мама была, по крайней мере, частично права, – продолжил Клинт. – Некоторые люди и вправду по определению хорошие. Вы, например.

– Вы совсем меня не знаете, – прошептала она.

– Уже достаточно хорошо знаю.

Ханна смущенно уставилась на свои ладони.

– Ну что ж, – произнес Клинт, откашлявшись. – Спасибо за все, Ханна. Ваша помощь была... просто бесценной.

Она кивнула.

– Жаль только, что все это оказалось пустой тратой времени.

– Ну, откуда нам это было знать...

– М-да.

Молчание стало затягиваться.

– Вам всегда удавалось вернуть похищенных детей? – спросила вдруг Ханна.

– Да, но... – Тут он нерешительно замолк.

– Но что?

– Большинство похищений раскрывается достаточно быстро. В течение нескольких часов.

– Несколько часов, – напряженно повторила Ханна. Эбигейл похитили уже больше суток назад.

Пауза.

– Так что... что теперь? – спросила она.

Клинт глянул на наручные часы.

– Уже больше полуночи, – сказал он. – А я на ногах с шести утра. Мне нужно хотя бы пару часиков поспать. А потом посмотрим, что скажет Манкузо.

– Ясно, – сказала Ханна.

– Нормально до дому доедете? – спросил он.

– Ну да, конечно, – отозвалась она. – Это недалеко.

Клинт улыбнулся ей. Улыбка у него была печальная, усталая и почему-то красивая.

Ханна испытала внезапное побуждение наклониться и поцеловать его. Но лишь кивнула и протянула ему руку.

– Тогда надеюсь увидеть вас завтра.

– Можете не сомневаться, – заверил он, отвечая на рукопожатие. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – отозвалась Ханна, открывая дверцу. На миг замешкалась, а потом все-таки выбралась из машины, прикрыв за собой дверцу.

Зеленый «Шеви» укатил, оставив ее одну на темной улице. Наамит Лисман наверняка еще не спит, подумала Ханна, почувствовав себя последней сволочью – что не заглянула про-

ведать ее и Рона. Но все-таки села в свою машину и завела мотор. Коротко прикинула, не стоит ли поступить так, как сказала Клинту, и не поехать ли домой.

Но уже знала, что домой не поедет. Так что двинула в сторону отдела полиции.

* * *

Эбигейл никак не могла понять, сколько сейчас времени. Окон не было, телефон у нее отобрали, часов она не носила. Это с равным успехом могли быть полночь или полдень, а то и раннее утро.

Но ее похитители исправно приносили ей поесть и попить примерно каждые два часа. Сэндвич в пластиковой обертке – судя по вкусу, вроде не сильно просроченный. Бутилированную воду.

Сэндвичи и бутылки с водой явно где-то регулярно покупались.

Приносил их тот самый мужчина. Входил, отдавал ей сэндвич и тут же выходил, – не сказав ни слова, никак не реагируя на ее просьбы, слезы и гневные крики. Появившись во второй раз, он принес пару темных леггинсов – на замену тем, которые она обмочила.

Эбигейл без устали разрабатывала планы побега. Поначалу прятала все пустые упаковки от сэндвичей под матрасом, подумывая сделать из них пластиковую веревку и задушить ею своих похитителей. Хотя и сомневалась, что ей удастся это проделать, а связав между собой пару-тройку оберток, поняла, что они просто рвутся при растягивании. Подумала, не использовать ли для этих целей грязные штаны, но так и не нашла какой-то разумный способ, как это осуществить.

В комнате стояло ведро, в которое Эбби уже дважды успела пописать. И уже прикидывала, не выплеснуть ли его содержимое в физиономии похитителей, а потом быстро рвануть из комнаты.

Еще можно было залезть под кровать. Спрятаться под ней, а когда они начнут ее искать, она... она...

Но в том-то все и дело. Это были всего лишь фантазии. Они просто немного повышали ей настроение, дарили иллюзию контроля над ситуацией. Она не просто торчала в этом подвале – она *выжидала подходящий момент*. Но когда Эбигейл и в самом деле как-то залезла под кровать и стала ждать, пока появится кто-то из похитителей, сердце чуть ли не выскакивало из груди. Страх клещами стиснул горло, словно какой-то здоровенный жирный паук. Они сразу поймут, что она под кроватью – здесь это единственное место, в котором можно спрятаться. А потом что? Эта женщина вытащит ее оттуда, пинающуюся и визжащую? Или мужчина повалит кровать набок, вздернет ее на ноги?

Вновь припомнилась та сцена из фильма, в которой детектив находит убитого мальчика. Пытался ли этот мальчик сбежать? Как раз поэтому его и убили? Тот мужчина сказал, что если она будет себя хорошо вести, то они вернут ее домой.

Прятаться под кроватью – явно не образец хорошего поведения. Плеснуть из ведра мочой в похитителей тоже. Она мельче их, заперта в ловушке и испугана. Даже если удастся выскочить из этой комнаты, совершенно непонятно, где она. В Гленмор-Парке? Получится ли добежать до какого-то из соседних домов, криком взывая о помощи? Может, они вывезли ее из города куда-то далеко, и это нечто вроде дачи, на которой они с Грейси иногда бывали? Будет ли толк от побега, если бежать некуда?

Эбигейл постоянно колебалась, то планируя побег, то плача по маме. Никак не могла успокоиться, никак не могла расслабиться.

Открылась дверь. По ступенькам процокали высокие каблуки. На сей раз это была женщина. Она спускалась по ступенькам, темная лыжная маска скрывала ее лицо. В руке у нее был сэндвич в пластиковой обертке – точно такой же, как те, что приносил Эбигейл мужчина.

– Пожалуйста, – проговорила девочка прерывающимся голосом. – Пожалуйста, отпустите меня! Я никому ничего не скажу, клянусь. Просто отпустите меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.